БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

М-22

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

БѢЛОЕ ЗОЛОТО.

ПОВѢСТЬ.

8868

ВОСЬМОЕ ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„ЮНАЯ РОССІЯ".
Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Д
М-22

МОСКВА.
1918.

23979

Библіотека для семьи и школы.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

М-222

БѢЛОЕ ЗОЛОТО.

ПОВѢСТЬ.

8868

11-е ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
«ЮНАЯ РОССІЯ».
Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Проверено 1935
ЛИТМОТ
5.
М.223 А.Б

МОСКВА.
1918.

23979
1957-58 г.
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА
ФУНДАМЕНТ. БИБЛИОТЕКА
Дст. Отделение
Моск. Госуд. Пед. Института
662407 кх-реф
Российская государственная
детская библиотека

Типо-лит. бывш. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., д. 2.

I.

— Эй, ты, лежебока, вставай... — говорилъ старикъ Ковальчукъ, стараясь разбудить спавшаго мальчика. — Пора, братъ...

Кирюшкѣ ужасно хотѣлось спать, и при томъ было очень холодно. Онъ старался завернуться въ старую баранью шубенку и откатывался къ самой стѣнѣ землянки.

— Ну, ну, не балуй...—ласково повторялъ старикъ.— На работу пора...

Въ землянкѣ было темно и сыро. Свѣтъ проходилъ только черезъ низенькую дверку, въ которую входили, согнувшись. Когда старику надоѣло будить внука, онъ сдернулъ съ него шубу. Кирюшка, охваченный холодомъ, сѣлъ на нарѣ и никакъ не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ.

— Ну, ну, будетъ спать... — говорилъ старикъ, гладя кудластую голову мальчика.—Всѣ мужики ужъ встали...

— Дѣдушка, еще немножко поспать...—плаксиво проговорилъ Кирюшка, протирая глаза.

Старикъ взялъ его подъ-мышки, встряхнулъ и потащилъ изъ балагана.

— Что съ тобой разговаривать-то,—ворчалъ онъ, стараясь не выпускать изъ рукъ барахтавшагося внука.

Вытащивъ на воздухъ, старикъ еще разъ его встряхнулъ и, поставивъ на ноги, проговорилъ не безъ гордости:

— А вотъ вамъ и еще старатель!.. Получайте...

Около огня, надъ которымъ висѣлъ желѣзный котелокъ, сидѣло нѣсколько мужиковъ и бабъ. Одинъ изъ мужиковъ оглядѣлъ Кирюшку и проговорилъ:

— Ничего, здоровущій мужчина.

Это былъ извѣстный Емелька, охотникъ, подошедшій къ балагану Ковальчуковъ на огонекъ. Остальные мужики, въ томъ числѣ и отецъ Кирюшки, угрюмо молчали, и только мать проговорила:

— Ступай вонъ къ ключику, умойся... Сонъ-то и сниметъ, какъ рукой. Сейчасъ каша поспѣетъ.

Послѣднее произвело на Кирюшку самое сильное впечатлѣніе, и онъ бѣгомъ побѣжалъ подъ гору, куда толкнулъ его дѣдъ.

— Эге, тоже Ковальчукъ будетъ...—задумчиво проговорилъ старикъ, провожая внучка глазами. — Кирюшка, направо держи... Подъ кустомъ тебѣ и ключикъ будетъ. Ахъ, ты, пострѣлъ...

— Нашелъ, дѣдушка!—весело крикнулъ Кирюшка,— вотъ, онъ, ключикъ-то...

— Давно бы такъ-то... Холодной-то водой вотъ какъ обдеретъ, а каша, братъ, сейчасъ готова. Любишь горячую кашу хлебать, пострѣлъ? То-то...

Землянка Ковальчуковъ приткнулась на самой обочинѣ (бокъ) небольшого увала, упиравшагося въ небольшую горную рѣчонку Мартьянъ. Мѣсто было выбрано старымъ дѣдомъ сухое, а главное—веселое. Отъ землянки открывался великолѣпный видъ на весь Авроринскій пріискъ, на которомъ добывали платину вотъ ужъ тридцать лѣтъ. Сейчасъ за рѣчкой Мартьяномъ разлеглась лѣсистая горка Момыниха, и изъ-за нея синѣла вершина горы Бѣлой, точно громадная коврига хлѣба. Поправѣе горбилась Соловьева гора, и теченіе Мартьяна раздавалось, точно вода раздвигала стѣснявшія ее горы, пригорки и увалы. Работы шли по теченію Мартьяна, насколько хваталъ глазъ. Земля была изрыта по всѣмъ направленіямъ, а вода катилась совсѣмъ мутная, унося съ собою глину отъ промывки. По обоимъ берегамъ, какъ птичьи гнѣзда, лѣпились землянки, балаганы и просто шалаши старателей, а налѣво виднѣлась главная пріисковая контора. Раннимъ лѣтнимъ утромъ на горахъ холодно, и Мартьянъ долго кутается въ волокнистую пелену тумана. Когда-то еще солнце обсушитъ росу и подберетъ этотъ туманъ. У старательскихъ балагановъ вездѣ дымятся огоньки, изъ лѣсу доносится перезвонъ лошадиныхъ боталъ, гдѣ-то лѣниво лаетъ собака, — начинается рабочій пріисковый день.

У огонька, передъ землянкой Ковальчуковъ, хмуро сидѣло нѣсколько мужиковъ; сынъ-большакъ, отецъ Кирюшки, зять Фролъ и подростокъ Ефимъ. Всѣмъ хотѣлось спать, а работа не ждетъ. Бабъ было три—мать Кирюшки, Дарья, жена Фрола, Марья, и сестра Кирюшки, Анисья, молодая дѣвушка. Марья возилась въ сторонкѣ со своимъ ребенкомъ,

Дарья варила кашу. Анисья починяла дѣдушкѣ чекмень. У Дарьи сейчасъ было сердитое лицо. Это была такая серьезная заботливая женщина, которою держался весь домъ. Семья Ковальчуковъ жила бѣдно и кое-какъ перебивалась, было о чемъ подумать, когда за обѣдъ садилось восемь душъ. Одного хлѣба не напасешься, не говоря ужъ о харчахъ и приваркѣ. И сейчасъ Дарья сердилась на то, что охотникъ Емелька притащился совсѣмъ не во-время. Дѣдъ Елизаръ, навѣрно, позоветъ его ѣсть, а варево впередъ разсчитано по ложкамъ.

„Шалый человѣкъ... — сердито думала Дарья, размѣшивая въ котелкѣ разварившуюся кашу.—Не охота работать, вотъ и шляется по лѣсу. И шелъ бы своей дорогой, а то къ чужому вареву подсѣлъ. Нѣтъ стыда-то, вотъ и сидитъ“..

Дѣйствительно, чего боялась Дарья, то и случилось. Дѣдъ Елизаръ, когда сняли котелокъ съ огня, проговорилъ Емельяну:

— Похлебай съ нами каши-то, Емельянъ... Оно хорошо горяченькаго поѣсть.

— А ужъ не знаю, право... — отвѣтилъ Емельянъ, глядя въ сторону; ему ѣсть хотѣлось и было немного совѣстно.—Пожалуй...

Вся семья усѣлась на травѣ. Ѣли кашу прямо изъ котелка, тщательно облизывая ложки. Говорить за ѣдой не полагалось. Кирюшка ѣлъ за большого и все смотрѣлъ на Емельку, котораго давно зналъ. Да и кто его не знаетъ въ Висимѣ? Емелькѣ было ужъ подъ шестьдесятъ. Въ бородѣ всѣ волосы посѣдѣли, а всѣ его считали нена-

стоящимъ мужикомъ. Такъ, просто, Емелька. Сегодня одно поработаетъ, завтра другое, а потомъ пропадетъ недѣли на двѣ въ горы на охоту,—какой же это настоящій мужикъ? И одѣвался онъ, какъ нищій: рваный армячишко, рваная шапчонка, рваные сапоги, а то и лапти. Емелька жилъ бобылемъ и меньше всего на свѣтѣ обращалъ вниманія на самого себя. Жилъ онъ, какъ птица небесная, не заботясь о завтрашнемъ днѣ.

— Куда поволокся-то, Емельянъ?—спрашиваетъ дѣдъ, откладывая свою ложку.

— А на Осиновую гору...—неохотно отвѣтилъ Емелька, не любившій такихъ разспросовъ, когда шелъ на охоту,—какъ разъ сглазятъ.—Меня тамъ дьячокъ Матвѣичъ ждетъ...

— Оленей будете гонять по лѣсу?

— Какіе тамъ олени...

Емелька нахмурился и замолчалъ. А потомъ поднялся и сурово проговорилъ:

— А ты бы, дѣдушка Елизаръ, какъ-нибудь зашелъ ко мнѣ... Поговорить надо. А то къ Матвѣичу заверни въ воскресенье...

— Ладно, какъ-нибудь удосужусь...

— Спасибо за хлѣбъ, за соль,—проговорилъ Емелька, поднимая съ земли свое ружьишко.—Мнѣ пора... Такъ ты тово, дѣдушка Елизаръ...

— Ладно, ладно.

Емелька, не торопясь, зашагалъ подъ гору. Ноги у него были кривыя, и онъ ихъ тащилъ, точно шелъ на чужихъ ногахъ. Мужики проводили его съ улыбкой, а потомъ отецъ Кирюшки сказалъ, обращаясь къ бабамъ:

— Эхъ, бабы, не догадались вы... Надо бы которой дорогу ему перейти, — не пошелъ бы онъ на охоту, а воротился домой. Дьячокъ-то и не дождался бы...

— Слышь, дѣло у него есть! — поддакнулъ зять Фролъ.—Тоже и скажетъ человѣкъ...

— Безстыжіе глаза,—ворчала Дарья.—Я и то обсчиталась съ кашей-то, Кирюшку забыла, а тутъ еще Емельку принесло.

Дѣдъ Елизаръ не любилъ, когда за глаза говорятъ про людей нехорошо, и строго замѣтилъ:

— Вы у себя во рту зубы считайте, а Емельяна оставьте. Вѣдь никого, слава Богу, онъ не обидѣлъ,—ну, и молчите. У каждаго свое дѣло есть... Ну, Кирюшка, пора, братъ, на работу. Каши пріисковой ты наѣлся, а теперь отвѣдай пріисковой нашей работы... Давно на пріискъ просился.

Старикъ пошелъ къ пріисковой таратайкѣ (телѣжкѣ на двухъ колесахъ), къ которой привязана была чалая лошадь и, не торопясь, началъ ее обряжать: надѣлъ хомутъ и шлею, завелъ въ оглобли, заложилъ дугу и, покряхтывая, затянулъ супонь. Кирюшка въ это время успѣлъ надѣть сѣделку и перекинуть черезсѣдельникъ. Чалко не любилъ, когда подтягивали черезсѣдельникъ, и лягался задней ногой.

— Не любишь?.. а?—ласково ворчалъ старикъ, захлестывая ремень вокругъ оглобли.— Не любишь, говорю? Ахъ, ты, прокуратъ... Ну, Кирюшка, садись на козлы, а я бариномъ сяду въ таратайку.

Старикъ съ трудомъ забрался въ телѣжку, а Кирюшка

занялъ свое мѣсто на деревянномъ облучкѣ. Чалко не заставлялъ себя понукать и рысцой побѣжалъ по маленькой дорожкѣ подъ гору,—онъ зналъ, куда нужно было ѣхать. Дѣдъ Елизаръ стоялъ на ногахъ, придерживаясь одной рукой за грядку таратайки, а другой защитилъ глаза отъ солнца. Онъ смотрѣлъ на пріисковую дорогу, огибавшую Момыниху, и думалъ вслухъ:

— Ишь, какъ вышагиваетъ Емельянъ-то... Видишь его, Кирюшка?

— Вижу, дѣдушка.

— Зачѣмъ человѣка обижать?.. Не объѣлъ онъ насъ, а Дарья ворчитъ. Хлѣбъ-соль—заемное дѣло... Брось кусокъ хлѣба назадъ, а онъ впереди тебя очутится. Вотъ какъ сказывали старинные люди.

II.

Дѣлянка Ковальчуковъ была въ полуверстѣ отъ землянки, такъ что было видно все, что дѣлается „дома", и наоборотъ. Кирюшка попалъ на пріискъ въ первый разъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ кругомъ.

— Дѣдушка, кто же столько земли изрылъ?—спрашивалъ онъ, оглядывая старыя свалки и отвалы, глубокія ямы, канавы и забои.

— А все мы же, Кирюшка,—не безъ самодовольства объяснилъ старикъ,—Наша работа... На барина было прежде достаточно пороблено, а теперь робимъ на себя. Што добылъ, то и твоё...

Отвалами и свалками на промыслахъ называются тѣ земные валы, которые образуются изъ верхнихъ пластовъ

земли, не содержащихъ драгоцѣннаго металла,—это пустая порода, или туфы, какъ говорятъ рабочіе,—и изъ промытыхъ песковъ и галекъ. Забой—глубокая яма, изъ которой добываютъ пески.

— Ишь, какъ Бѣлохвосты поворачиваютъ!—похвалилъ старикъ, когда они проѣзжали мимо одной старательской дѣлянки.—Эй, здравствуй, Архипъ...

Изъ четырехугольной глубокой ямы отвѣтилъ рыже-бородый и кривой на лѣвый глазъ мужикъ:

— И ты здравствуй... Новаго старателя везешь?

— Около того...

— Что же кошку не посадишь править?..

Кирюшка зналъ Бѣлохвостова и обрадовался, когда къ забою подъѣхалъ на таратайкѣ мальчикъ лѣтъ десяти, младшій сынъ Бѣлохвоста.

— Здорово, Тимка...

— Здравствуй...—отвѣтилъ равнодушно Тимка.—Робить пріѣхалъ?

— Робить...

Забой у Бѣлохвостовъ былъ выстроенъ не такъ, какъ у Ковальчуковъ. Яма въ четыре квадратныхъ сажени была вырыта безъ въѣзда, и пески выбрасывали сначала наверхъ, на деревянныя полати, а потомъ уже Тимка нагружалъ ими свою таратайку. Получалась двойная работа; но Бѣлохвосты были лѣнивы и не хотѣли сдѣлать спуска въ забой, по которому таратайка могла бы въѣзжать въ самую яму.

— Ужо какъ-нибудь устроимъ...—говорилъ кривой Бѣлохвостъ почти каждый день.—Куды способнѣе будетъ.

Вотъ у старика Ковальчука какъ ловко налажено, и у другихъ тоже. Вотъ уже...

Этимъ дѣло и кончилось. Бѣлохвостъ любилъ поговорить и чистосердечно завидовать другимъ, у которыхъ какъ-то все точно само собой дѣлается.

— Ну, вотъ мы и дома, Кирюшка,—заявилъ дѣдушка Елизаръ, когда таратайка подкатилась къ ихъ забою.

Яма, въ которой работали Ковальчуки, была такой же величины, какъ и Бѣлохвостовъ, съ той разницей, что можно было таратайку запячивать по спуску прямо на дно, гдѣ и грузились въ нее пески. Скоро подошли мужики. Собственно, въ забоѣ работали двое—отецъ Кирюшки, Парфенъ, и зять Фролъ. Одинъ кайломъ выворачивалъ слежавшійся песчаный пластъ, а другой нагружалъ имъ таратайку. Это самая тяжелая работа, и старикъ Елизаръ только наблюдалъ и хлопоталъ около промывки. Раньше пески отвозила на таратайкѣ Анисья, а теперь ее замѣнилъ Кирюшка.

— Ну, Кирюшка, пошевеливай,—проговорилъ отецъ, нагрузивъ первую таратайку синевато-сѣрымъ пескомъ,—вези бабамъ гостинцу... Онѣ тебѣ какое спасибо скажутъ.

Чалко отлично зналъ дорогу, вывезъ таратайку изъ забоя и началъ осторожно спускаться къ Мартьяну, гдѣ происходила промывка песковъ. Но на полдорогѣ онъ чуть не потерпѣлъ крушенія. Откуда-то съ боковой дорожки на него налетѣлъ Тимка, ѣхавшій къ себѣ въ забой уже съ пустой таратайкой.

— Эй, ты, ворона, берегись!—крикнулъ Тимка, размахивая вожжами.

Таратайки зацѣпились колесами, и Кирюшка едва усидѣлъ, а Тимка нарочно погонялъ лошадь, чтобы перевернуть таратайку Кирюшки.

— Перестань баловать, пострѣлъ!—крикнулъ съ промывки дѣдушка Елизаръ.—Вотъ ужо я тебя, Тимка..,

Тимка обругалъ Кирюшку, взмахнулъ вожжами и ускакалъ.

Промывка песковъ была устроена на самомъ берегу рѣки Мартьяна. Дѣдушка Елизаръ при помощи отводной канавы устроилъ маленькій прудокъ, изъ котораго вода по деревянному жолобу падала на вашгердтъ. Устройство вашгердта было самое простое: деревянный длинный ящикъ, съ открытымъ бокомъ и покатнымъ дномъ, прикрытый сверху продырявленнымъ, какъ терка, желѣзнымъ листомъ. Этотъ желѣзный листъ называется грохотомъ. Содержащіе плотину пески сваливаютъ на грохотъ, изъ жолоба пускается на нихъ струя воды, рабочіе размѣшиваютъ эти пески коротенькими желѣзными лопаточками-скребками, помогая водѣ уносить глину и мелкій песокъ. Въ результатѣ такой промывки на грохотѣ остаются однѣ крупныя гальки, которыя сбрасываются въ сторону, а на покатомъ днѣ деревяннаго ящика постепенно накопляется мелкій черный песочекъ, „шлихъ“, содержащій въ себѣ зерна платины. Платина и шлихъ тяжелѣе обыкновеннаго песка, и вода не можетъ ихъ снести.

Кирюшка подъѣхалъ къ самому вашгердту, у котораго ихъ уже ждали мать, Дарья и Анисья. Дѣдушка Елизаръ снялъ прикрѣпленную позади таратайки палку, поддерживавшую откидное дно, и песокъ высыпался на землю,

— Ну, слава Богу, вотъ и сталъ ты, Кирюшка, теперь ужъ настоящій старатель,— ласково говорилъ старикъ, поднимая деревянное дно таратайки.—На твое счастье будемъ сегодня промывать платину...

Анисья и Дарья принялись дружно за работу, размѣшивая своими скребками пески на грохотѣ. Ефимъ подбрасывалъ имъ новыя порціи, а въ промежуткахъ накладывалъ въ ручную тачку перемывки, т.-е. скинутые съ грохота гальки и камни, и отвозилъ ихъ на ближайшую свалку. Дѣдушка Елизаръ поправлялъ платину, попорченную недавнимъ ливнемъ, и все что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Эхъ, кабы лошадь... вторую лошадь... Можно бы второй грохотъ поставить. Ей-богу... Ефимъ бы съ Марьей стали орудовать у второго грохота, а я бы перемывки отвозилъ. Да... Вонъ у Шинкеранковъ какъ поворачиваютъ съ двумя-то лошадьми. Тоже у Кусляковыхъ, у Сотниковъ... Ахъ, кабы вторая лошадь!..

Мысль о второй лошади преслѣдовала дѣдушку Елизара уже цѣлыхъ десять лѣтъ. Вдвое бы работа закипѣла... Эту вторую лошадь онъ видѣлъ даже во снѣ. Но мечты такъ и остались мечтами. Семья была бѣдная и едва зарабатывала на хлѣбъ. Конечно, другимъ выпадало счастье, какъ Шкарабурамъ: напали на хорошую платину, и сразу вся семья поднялась на ноги. Сразу трехъ лошадей купили, избу новую поставили, младшаго сына женили,—однимъ словомъ, богатство.

— Эхъ, нѣтъ второй лошади...—думалъ вслухъ старикъ, наблюдая, какъ маленькій Кирюшка подвозилъ пески.

Кирюшка былъ совершенно счастливъ. Онъ почувство-

валъ себя настоящимъ мужикомъ-старателемъ. На золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ старателями называютъ тѣхъ рабочихъ, которые занимаются работой отъ себя, т.-е. берутъ на пріискѣ небольшую дѣлянку, добываютъ изъ нея золото или платину и за условленную плату сдаютъ ее хозяину пріиска. На платиновыхъ промыслахъ въ описываемое нами время цѣна на старательскую платину стояла очень низкая, всего 25 копеекъ за золотникъ. При средней ровной добычѣ, какъ у Ковальчуковъ, въ день намывалось около шести золотниковъ, что составляло ежедневный заработокъ всей семьи рубля полтора. На эти деньги, при самыхъ скромныхъ потребностяхъ, было очень трудно перебиваться. За столъ садилось восемь ртовъ, а потомъ на пріисковомъ дѣлѣ всякая одежда, а особенно обувь—горѣла огнемъ. Всѣ хозяйственные разсчеты лежали на старшей снохѣ, Дарьѣ, и ей приходилось поневолѣ высчитывать каждый кусокъ. Работая скребкомъ, она въ умѣ соображала, что они будутъ обѣдать, а главное,—что ужинать. Взятаго изъ дому хлѣба не хватитъ до конца недѣли, какъ она не прикидывала въ умѣ. Прежніе расчеты разбивались теперь присутствіемъ новаго ѣдока въ лицѣ Кирюшки. Мальчикъ, конечно, не великъ, а съѣстъ съ большого, особенно когда наработается. Дарья опытнымъ материнскимъ глазомъ наблюдала за своимъ будущимъ кормильцемъ и, съ одной стороны, радовалась, что онъ уже не даромъ будетъ ѣсть свой дѣтскій хлѣбъ, а съ другой,—жалѣла его: хорошо работать сейчасъ, въ хорошую погоду, а каково ему будетъ мокнуть въ ненастье, особенно осенью.

Семья Ковальчуковъ проживала въ Висимо-Шайтанскомъ

заводѣ, по-просту—въ Висимѣ, какъ называли его рабочіе. Дома оставалась одна старуха, бабушка Прасковья. Она вела свое хозяйство: корову наблюдала, овецъ, куръ и разную домашность. Съ ней обыкновенно оставался до послѣдняго времени и Кирюшка. Мальчикъ помогалъ во всемъ бабушкѣ и, по-своему, былъ полезенъ. Но весной умерла одна дальняя родственница Ковальчуковъ, оставившая дѣвочку лѣтъ восьми, круглую сироту. — Ей уже совсѣмъ некуда было дѣваться, и Ковальчуки ее взяли къ себѣ.

— Бѣднѣе не будемъ,—рѣшилъ дѣдушка Елизаръ,— А дѣвчонка подрастетъ,—работница въ дому будетъ.

Дарья долго не рѣшалась взять къ себѣ сироту. Самимъ ѣсть нечего, а тутъ еще лишній ротъ. И дѣвченку жаль, а своей заботы по горло. Но все вышло какъ-то само собой. Взяли дѣвочку всего на нѣсколько дней, покормили, пріодѣли въ разные обносочки,—что же, пусть пока поживетъ. Сиротка такъ и прижилась у Ковальчуковъ. Главное, жаль,—дѣвчонка совсѣмъ хорошая. Послушная такая и смышленая.

— Собаку и ту жаль выгонять на улицу,—разсуждалъ старый Ковальчукъ,—а тутъ живой человѣкъ. Вырастетъ большая,—спасибо скажетъ.

— Есть побогаче насъ, тѣ бы и брали,—ворчала Дарья.

— А Богъ-то, Дарья? Ахъ, какая ты... Намъ за сироту Богъ счастье пошлетъ.

Теперь бабушка Прасковья могла управляться уже безъ помощи Кирюшки, и поэтому его отправили на пріискъ.

III.

До обѣда Кирюшка работалъ съ удовольствіемъ. Да это и была не работа, а одно развлеченіе. Къ обѣду онъ такъ проголодался, что едва могъ дождаться, когда дѣдушка кончитъ „доводить“ намытую платину.

— Дѣдушка, скоро? приставалъ Кирюшка.

— Подождешь,..

— Вонъ бабы ужъ пошли къ балагану.

— Ступай и ты, коли охота. Ишь, загорѣлось...

Другіе мужики не шли, и Кирюшка остался дожидаться. Отецъ съ зятемъ подравнивали съѣздъ въ забой, Ефимъ налаживалъ доски для откатки на ручной тачкѣ.

„Доводилъ“ платину всегда самъ старикъ. Работы на грохотѣ прекращались, струя воды уменьшалась, и дѣдушка Елизаръ, сидя на корточкахъ, осторожно отмучивалъ оставшіеся пески на покатомъ днѣ вашгердта, что дѣлалъ небольшой щеткой. Онъ проводилъ щеткой вверхъ, поднимая пески: и вода уносила легкія частицы, оставляя шлихи и платину. Все это нужно было дѣлать очень осторожно, чтобы водяная струя не унесла вмѣстѣ съ пескомъ и мелкую платину. Точно такъ же были „отмучены“ шлихи отъ платины, и, въ концѣ концовъ, осталась одна платина, имѣвшая рыжеватый видъ. Старикъ собралъ ее на желѣзную лопаточку и, прежде чѣмъ опустить въ желѣзную кружку, проговорилъ:

— Ну, Кирюшка, не велико твое счастье.., Будетъ-не-будетъ золотника съ четыре. Не велико богатство...

— Дѣдушка, пойдемъ...

— Што, видно, брюхо-то не зеркало? — смѣялся старикъ, догадавшись, въ чемъ дѣло.—Проголодался?

У землянки уже давно курился веселый огонекъ, какъ и у другихъ старательскихъ балагановъ и избушекъ. Солнце такъ и пекло. Старикъ отпрягъ Чалку, спуталъ ей переднія ноги, повѣсилъ на шею мѣдное ботало (колокольчикъ) и пустилъ въ лѣсъ. Лошадь была тоже голодна и съ жадностью накинулась на траву.

Обѣдъ готовила Марья, оставшаяся съ ребенкомъ дома. Бабы хозяйничали по очереди:—одинъ день одна, другой—другая. Впрочемъ, и хозяйство было не велико: всего-то сварить какое-нибудь горячее варево. Утромъ ѣли пшенную кашу, а къ обѣду Марья сварила щи изъ крупы. Для „скуса“ къ вареву были прибавлены сухая рыба и зеленый лукъ. Наработавшіеся люди ѣли молча, не торопясь, и, откусывая хлѣбъ, придерживали его ладонью, чтобы не уронить на землю ни одной крошки дара Божьяго. Голодный Кирюшка началъ было торопиться и набивать себѣ полонъ ротъ, но дѣдушка его остановилъ:

— Куда торопишься-то, Кирюшка? Порядку не знаешь?.

Мать тоже прикрикнула на озорника. Кирюшка присмирѣлъ и началъ ѣздить своей ложкой въ котелокъ вмѣстѣ съ другими мужиками.

— Вотъ такъ-то лучше будетъ, — похвалилъ его дѣдушка, гладя по головѣ. — Въ крестьянахъ, гдѣ землю пашутъ, когда нанимаютъ работника, такъ сперва посадятъ его обѣдать:—ежели начнетъ торопиться, значитъ, плохой работникъ будетъ, а ежели ѣстъ степенно,—хорошій. Такъ-то, Кирюшка...

Российская государственная детская библиотека
662407
Научная библиотека Дома детской книги ДЕТГИЗА
Фундаментальная библиотека Дет. отделение Моск. Гос. Пединститута

Пообѣдавъ, всѣ мужики улеглись спать. Дѣдушка ушелъ въ землянку, а остальные устроились прямо на травѣ. Изъ бабъ легла спать одна Анисья. Кирюшка остался съ матерью и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Его выручилъ Тимка, который шелъ куда-то по дорогѣ и поманилъ его издали рукой. Кирюшка полетѣлъ подъ гору стрѣлой.

— Смотри, долго не бѣгай! — крикнула ему вслѣдъ Дарья.

— Ну, пойдемъ...—говорилъ Тимка.—У насъ тоже всѣ мужики улеглись спать. Куда пойдемъ-то?

— Не знаю...

— Или на казенную машину пойдемъ колотить Егорку-погонщика, или въ контору—дразнить собаку у штейгера Мохова?.. Онъ давно грозится убить меня до смерти.

— Пойдемъ въ контору... Только я боюсь, Тимка.

— Чего же бояться, дурень?

— А ежели тамъ начальство?

— Ну, тоже и скажетъ... Мы еще у Мохова чаю напьемся; онъ вѣдь намъ сватомъ приходится, а то у Миныча въ шашки поиграемъ.

Мальчики вперегонку побѣжали по дорогѣ налѣво. Они еще не знали усталости, какъ большіе, и рады были каждому случаю повеселиться и поиграть.

До конторы было рукой подать. Это былъ низенькій деревянный домикъ, стоявшій на угорѣ, надъ самымъ Мартьяномъ. Все теченіе рѣки было изрыто, и работы ушли внизъ по рѣкѣ и вверхъ. Около конторы не было ни ограды, ни загородки. Отдѣльно стояли амбары съ разной пріисковой снастью и харчами до конюшни. Зданіе конторы дѣ-

лилось на двѣ половины: въ передней жилъ смотритель съ женой, а въ задней были людская и кухня. Сейчасъ подъ окномъ кухни, въ тѣни на лавочкѣ сидѣли штейгеръ Моховъ, усатый, съ бритымъ подбородкомъ мужчина, и Минычъ, худенькій, сморщенный человѣчекъ изъ заводскихъ служащихъ, отвѣчающій сейчасъ за коморника и письмоводителя.

— Ну-ка, ходи, Минычъ!..—говорилъ Моховъ, передвигая на игральной доскѣ свою шашку.—Ну, шевели бородой!..

Минычъ долго смотрѣлъ слезившимися глазами на выдвинутую Моховымъ шашку, а потом быстро схватилъ другую шашку, понюхалъ ее и съ торжеством проговорилъ:

— А я фукаю твою шашку... хе-хе!..

Моховъ даже привскочилъ отъ изумленія. Онъ, дѣйствительно, прозѣвалъ одинъ ходъ, и теперь вся игра была проиграна.

— Ну-ка, теперь ходи!.. Ну, ну...

Моховъ долго разсматривалъ шашки, чесалъ свой бритый затылокъ и кончилъ тѣмъ, что перемѣшалъ всѣ шашки. Теперь ужъ Минычъ вскочилъ и даже замахнулся на него своей чахлой ручонкой.

— Это не по игрѣ, Моховъ... Такъ нельзя. За это и въ шею попадетъ!.. Я, братъ, шутить не люблю.

Игроки поссорились, поругались и опять принялись играть. У ногъ Мохова спала черная собаченка, свернувшись. Тимка подмигнулъ Кирюшкѣ и незамѣтно бросилъ камешкомъ въ собачонку. Собачонка взвизгнула и заворчала. Она узнала своего врага.

— Ты опять?—крикнулъ Моховъ.—Голову оторву.

— Я, ей-Богу, ничего...—божился Тимка.—Она у тебя бѣшенная, вотъ и визжитъ.

— Ладно, разговаривай... Я съ тобой мелкими расчитаюсь, съ озорникомъ.

Мохову нужно было играть, чѣмъ Тимка и воспользовался. Онъ дразнилъ собаку до того, что та захрипѣла. Моховъ нѣсколько разъ пытался схватить озорника за вихоръ, но тотъ увертывался съ замѣчательной ловкостью. Вдобавокъ Минычъ опять сфукалъ шашку, и разсвирѣпѣвшій Моховъ бросился за Тимкой. Ему бы пришлось плохо, потому что Моховъ уже догналъ его, но съ крыльца конторы послышался строгій женскій голосъ:

— Моховъ, какъ вамъ не стыдно! Вѣдь, вы не маленькій.

— А ежели онъ, Евпраксія Никандровна, дразнитъ собаку?! Да я его пополамъ переломлю.

— Перестаньте, не хорошо; вы такой большой и готовы драться съ мальчуганомъ.

Кирюшка испугался, когда увидалъ „барыню". Онъ, вообще, боялся всякихъ господъ и хотѣлъ незамѣтно улизнуть, но его остановилъ тотъ же женскій голосъ.

— Мальчикъ, подойди сюда... Ты чей?

— Ковальчукъ...

— Внучекъ Елизара?

— Да...

— Я что-то тебя не видала. Недавно на пріискѣ?

— Первый день.

Подошелъ Минычъ, погладилъ Кирюшку по головѣ и проговорилъ:

— Въ школу бы, сударыня, его опредѣлить. Самый разъ учиться да учиться... Семья бѣдная,—вотъ и его вывели на работу. Трудно будетъ такому маленькому.

Кирюшка стоялъ и смотрѣлъ на барыню во всѣ глаза. Ничего подобнаго онъ еще не видалъ: волосы острижены по-мужичьи, въ очкахъ и куритъ папиросу, какъ Моховъ.

— Кирюшка, пора домой!..—издали крикнулъ Тимка.

Когда они опять бѣгомъ возвращались домой, Тимка объяснилъ пріятелю:

— Видѣлъ нашу барыню? Она только называется барыней, а сама солдатка... Всѣ солдатки цыгарки курятъ. А ничего, добрая, даромъ что солдатка. Бабъ все лѣчитъ и ребятишекъ тоже. По праздникамъ ребятамъ пряниковъ даетъ.

Вторая половина дня прошла такъ же, какъ и первая. Кирюшка уже зналъ всѣ порядки и старался ѣздить такъ же, какъ Тимка. Отшабашили поздно, когда закатилось солнце. Дѣдушка опять „доводилъ“ платину и только покачалъ головой, когда собралъ бурый, тяжелый песочекъ на желѣзную лопаточку.

— Эхъ, плохое твое счастье, Кирюшка, — замѣтилъ онъ. — А я думалъ, — мы съ тобой заробимъ на другую лошадь. Придется, видно, подождать.

IV.

Пріисковые дни идутъ быстро и мало чѣмъ отличаются одинъ отъ другого. Въ какую-нибудь недѣлю Ки-

рюшка освоился со своимъ новымъ положеніемъ настолько, что былъ на пріискѣ, какъ у себя дома. Вмѣстѣ съ Тимкой онъ обошелъ всѣ работы. Вездѣ работали старатели, и всѣ они жили такъ же, какъ Ковальчуки и Бѣлохвосты. Вся разница заключается только въ томъ, что у нѣкоторыхъ „шла“ платина, а остальные работали изъ-за хлѣба на воду. Впрочемъ, счастливцевъ было не много, хотя всѣ и говорили только о нихъ, преувеличивая ихъ богатство.

— У насъ тоже пойдетъ платина,—хвасталъ Тимка.— Моховъ-то приходится намъ сватомъ, ну, значитъ, какую дѣлянку хочемъ,—ту и беремъ.

Старатели завидовали Бѣлохвостамъ, пользовавшимся своимъ родствомъ со штейгеромъ. Но пока изъ этого родства ничего не выходило. Бѣлохвосты перемѣнили уже нѣсколько дѣлянокъ, а платина все-таки не шла. На одной дѣлянкѣ вышла самая обидная исторія. Рядомъ взялъ дѣлянку самый бѣдный старатель, Аѳоня Канусикъ, у котораго не было даже лошади, и онъ работалъ только вдвоемъ съ женой. И вдругъ у этого Канусика „объявилась богатая платина“. Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли онъ заработалъ цѣлое состояніе — рублей двѣсти. Сейчасъ же явилась, конечно, лошадь, нанята работница, и Канусики „встали на ноги“, какъ говорятъ на промыслахъ. Рядомъ, на дѣлянкѣ Бѣлохвостовъ ничего не было, и они рвали и метали.

— Вы бы платину-то поискали въ карманахъ у свата Мохова, — подшучивали надъ ними другіе старатели. — Намъ што дадутъ, то и беремъ, а вы работаете на выборъ.

Старикъ-Бѣлохвостовъ ругался и гналъ старателей въ три шеи.

Свои хозяйскія работы поставлены были только въ одномъ мѣстѣ, подъ горой Момынихой. Здѣсь работала „машина“, такъ называемая чаша Комарницкаго. Она приводилась въ движеніе парой лошадей, крутившихся безъ конца около своего столба. Погонщикомъ стоялъ при нихъ тотъ самый Егорка, котораго Тимка періодически ходилъ колотить. Дѣло въ томъ, что Егоркѣ нельзя было ни на одну минуту оставлять лошадей, чѣмъ Тимка и пользовался. Онъ бросалъ въ Егорку комьями свѣжей глины, подхлестывалъ своимъ кнутикомъ, а то запускалъ камнемъ. Егорка сгоралъ отъ желанія защитить свою честь и отколотить разбойника, но остановить машину было нельзя ни на одну минуту.

— Егорка, вылѣзай!.. — кричалъ Тимка, — я тебѣ покажу, какъ вашего брата по шеѣ колотятъ.

Кирюшкѣ не нравилась эта травля. Онъ, вообще, отличался миролюбивымъ характеромъ и постоянно сдерживалъ драчуна Тимку, который тоже не былъ злымъ, а любилъ подурачиться.

Промывка платины на машинѣ происходила самымъ несложнымъ образомъ, какъ и на старательскихъ вашгердахъ, хотя и въ значительно бо̀льшихъ размѣрахъ. Основаніемъ всего служилъ громадный котелъ изъ продырявленнаго котельнаго желѣза, замѣнявшій грохотъ. Въ него сваливалось песку нѣсколько десятковъ пудовъ. Перемѣшивался этотъ песокъ въ чашѣ особыми пестами, вращавшимися на крестовинѣ. Промытый песокъ и глина

уносились точно такъ же по деревянному шлюзу, какъ и на вашгердѣ, и такъ же платина оставалась въ „головкѣ“ этого шлюза вмѣстѣ съ черными шлихами. Машина перерабатывала столько, сколько не сработать на тридцати вашгердахъ, въ чемъ и заключалось ея преимущество.

Самое интересное время на промыслахъ наступало въ субботу вечеромъ, когда кончалась недѣльная работа, и всѣ рабочіе собирались съ своими желѣзными кружками у пріисковой конторы. Каждый торопился поскорѣе сдать намытую платину. Пріемка происходила на крыльцѣ, гдѣ за столомъ сидѣлъ смотритель пріиска, Ѳедоръ Николаичъ, чахоточный, длинный господинъ, ходившій въ поддевкѣ и красной рубашкѣ-косовороткѣ. Вѣшалъ золото штейгеръ Моховъ, а Минычъ записывалъ въ книгу. Ѳедоръ Николаичъ вызывалъ сдатчика и уплачивалъ деньги.

— Аѳанасій Канусикъ... шестьдесятъ четыре рубля.

Въ толпѣ происходило движеніе. Этому Канусику везло какое-то бѣшеное счастье. Особенно роптал старикъ Бѣлохвостъ, точно Канусикъ намылъ его платину. Другіе завидовали молча. Что же, кому Богъ пошлетъ какое счастье!.. Нѣкоторые угнетенно вздыхали, почесывая въ затылкахъ. Находились шутники, которые поддразнивали сердившагося Бѣлохвоста.

— Давалъ ты ошибку вмѣстѣ съ сватомъ Моховымъ... Што бы тебѣ дѣлянку-то рядомъ занять. Всего-то десятокъ саженъ подальше.

— А кто его зналъ, братцы, — оправдывался Бѣлохвостъ.—Я и самъ думалъ взять дѣлянку... Ей-Богу, думалъ! Моховъ же и отсовѣтовалъ, чтобъ ему пусто было.

— Обманулъ онъ тебя, а еще сватъ называется.

Прiисковымъ ребятамъ сдача платины была настоящимъ праздникомъ. Они шныряли въ толпѣ, какъ воробьи, вездѣ лѣзли, получали иногда здоровые толчки и чувствовали себя счастливыми. Впереди было цѣлое воскресенье, когда не нужно было возить песокъ. Особенно торжествовалъ и дурачился Тимка. Для субботы онъ мирился даже съ Егоркой, который, въ свою очередь, тоже прощалъ ему всякiя прегрѣшенiя. Они теперь вмѣстѣ дразнили собаку Мохова, которая называлась Крымзой.

— Пойдемъ, солдатку подразнимъ,—предлагалъ Тимка.

— Я боюсь, — отказывался Егорка. — Пусть Кирюшка идетъ.

Кирюшка тоже отказался. Это до того возмутило Тимку, что онъ схватилъ камень и запустилъ имъ въ непокладистаго товарища. Камень угодилъ прямо въ глазъ, такъ что Кирюшка громко вскрикнулъ и присѣлъ, схватившись руками за лицо. На его крикъ сбѣжались бабы, а Дарья такъ запричитала, что Кирюшка подумалъ, что онъ ужъ умираетъ.

— Ахъ, батюшки, батюшки... — голосила Дарья не своимъ голосомъ.—Убили мальчонку до смерти. Куда я съ нимъ, съ кривымъ-то дѣнусь? Ой, батюшки... Да не разбойникъ ли Тимка!.. Убить его мало, озорника...

На шумъ и крикъ собравшейся толпы въ окнѣ показалась „солдатка“ и, когда узнала въ чемъ дѣло, велѣла привести Кирюшку къ себѣ въ комнату. Она раскрыла ушибленный глазъ, начинавшiй затекать багровой опухолью, внимательно его осмотрѣла и успокоила Дарью:

— Ничего, Дарья... Глазъ цѣлъ. Я сейчасъ сдѣлаю примочку изъ арники, и все черезъ недѣлю пройдетъ.

Кирюшка горько плакалъ отъ боли, главнымъ образомъ,—отъ испуга.

— Какой онъ маленькій,—удивлялась Евпраксія Никандровна, дѣлая компрессъ.—Вѣдь, это внучекъ дѣдушки Елизара?

— Онъ самый...

— Совсѣмъ еще ребенокъ.

Она его гладила по спутавшимся волосамъ и невольно любовалась,—такой славный мальчишка, и рожица умная.

Эта сцена закончилась совершенно неожиданнымъ предложеніемъ Евпраксіи Никандровны:

— Отдайте намъ мальчика, Дарья.

— Какъ же это отдать, барыня?—удивилась Дарья.

— А такъ... Пусть живетъ у насъ. На пріисковой работѣ вы совсѣмъ замучаете такого малыша, а у насъ ему будетъ хорошо. Намъ все равно нужно мальчика... Онъ шутя бы научился грамотѣ, потомъ мы его опредѣлили бы въ контору...

— Что вы, барыня! Куда ужъ намъ, мужикамъ...

— А вы подумайте хорошенько, посовѣтуйтесь со своими.

Въ первую минуту такое предложеніе показалось Дарьѣ совершенно нелѣпымъ, и ей сдѣлалось почему-то страшно жаль Кирюшку. Сейчасъ хотя и бѣдно жили, но жили одной своей семьей, а тутъ приходилось отдавать родное дѣтище въ чужіе люди, точно сироту. Дарья даже всплакнула, когда представила себѣ Кирюшку не дома. Но по-

томъ, раздумавшись, она усомнилась въ своей правотѣ и передала все мужу. Парфенъ сначала не понялъ, что это значитъ, а потомъ проговорилъ:

— Конечно, Кирюшкѣ тамъ будетъ лучше. Ужъ это што говорить. Штейгеромъ можетъ быть, какъ Моховъ. А только оно тово... дѣло совсѣмъ особенное... Надо съ родителемъ переговорить, какъ ужъ онъ вырѣшитъ.

Къ удивленію Дарьи, дѣдушка Елизаръ страшно разсердился и даже затопалъ ногами.

— Это еще што придумали, выдумщики? Попадетъ Кирюшка въ контору и будетъ второй Минычъ... Не хочу!. И слышать не хочу... Вы польстились на легкое житье, дескать, будетъ ѣсть въ волю, работы никакой—въ томъ родѣ, какъ баринъ. А я вотъ и не хочу... Пусть остается мужикомъ... Такъ ужъ ему на роду написано. Да... Ишь чего захотѣли, выдумщики!

Парѳенъ, по обыкновенію, угрюмо молчалъ, а Дарья взъѣлась:

— И никто ничего не говорилъ... Вотъ нисколичко. Барыня сказала, а мы ничего не знаемъ. Она пожалѣла Кирюшку. Только и всего... Твоя воля: какъ хочешь, такъ и дѣлай.

— Барыня, барыня... Сегодня ваша барыня сидитъ въ конторѣ, чай пьетъ, а завтра и слѣдъ ея простылъ. Куда мы тогда съ Кирюшкой дѣнемся, ежели онъ отъ мужиковъ отстанетъ, а къ господамъ не пристанетъ? Не хочу, однимъ словомъ... Пустое.

— Ступай самъ и говори съ барыней.

— И скажу... Мое, не отдамъ.

Кирюшка слышалъ весь этотъ разговоръ и понялъ только одно, что дѣдушка сердится. Конторы онъ побаивался, какъ волостного правленія. Это былъ чисто дѣтскій страхъ.

V.

Дорога съ Аврорпнскаго пріиска въ Висимъ очень красива. Сначала—горный перевалъ къ деревушкѣ Захаровой, а потомъ уже по заводской дорогѣ—всего верстъ десять. Захарово состояла всего изъ одной улицы, да и та наполовину пустовала: часть избъ стояла заколоченная, а на мѣстѣ другихъ остались одни пустыри.

— Дѣдушка, здѣсь пожаръ былъ?—спрашивалъ Кирюшка, не видавшій еще такой картины разоренія.

— Около того... Послѣ „воли" половина Захаровой ушла въ Оренбургскую губернію. Не захотѣли заводской да пріисковой работы, а захотѣли ѣсть свой крестьянскій хлѣбъ.

— Имъ лучше, дѣдушка?

— Хорошему человѣку вездѣ хорошо... Изъ Висима тоже уѣхали тогда семей съ полтораста,.. Которые вернулись... Не поглянулся свой-то хлѣбъ, особливо бабамъ, потому какъ по крестьянству всего тяжельше бабѣ. Много тогда поразорилось народу. Которые такъ и совсѣмъ нищими воротились. Охъ-хо-хо!

Подъ Захаровой у рѣчки оставались громадныя свалки и отвалы выработаннаго платиноваго пріиска Рублевикъ. Все понемногу покрывалось травой и мелкой лѣсной порослью. Проѣзжая черезъ рѣчку по крутому деревянному мосту, дѣдушка Елизаръ тяжело вздохнулъ и проговорилъ:

— Охъ, много было пороблено на этомъ самомъ Рублевикѣ, Кирюшка... Тогда мы были еще господскіе — работали на барина. Строго было, страсть.. А платина какая шла,—нынче такой платины и во снѣ не увидишь. Въ шапкѣ принесешь песку—и то золотникъ намоешь. Страшенное богачество было... Самородки попадались по фунту и больше, тоже на Рублевикѣ. Другого такого мѣста и не найти. У насъ на Мартьянѣ развѣ платина?—Такъ, котъ наплакалъ.

Дѣдушка и Кирюшка ѣхали въ таратайкѣ, а остальные шли пѣшкомъ. Всѣ торопились, чтобы поспѣть домой за-свѣтло. Бабушка Прасковья, поди, ужъ ждетъ съ баней. По дорогѣ попадались другіе старатели, тоже торопившіеся домой.

— Ну-ка, Кирюшка, погоняй коня,—говорилъ дѣдушка, когда они поднялись отъ Рублевика въ гору.—Пока другіе бредутъ, мы успѣемъ и въ баню сходить.

Чалко точно понималъ, что говорятъ, и самъ прибавилъ шагу. Когда таратайка бойко покатилась по широкой заводской дорогѣ, у дѣдушки Елизара только голова тряслась. Кирюшка стоялъ на ногахъ, оглядывался и смѣялся. Онъ забылъ про свой подбитый глазъ.

— Охъ, всю душеньку вытрясетъ!—жаловался дѣдушка, хватаясь за грядки таратайки.—Ты камни-то объѣзжай, Кирюшка.

Дорога шла сосновымъ лѣскомъ, потомъ поднялась въ горку, потомъ опустилась въ лужокъ, потомъ обогнула какой-то увалъ и круто спустилась къ горной рѣчонкѣ Ви-

симу, огибавшей Пугину гору. Дальше пошли по сторонамъ уже покосы, а лѣсъ остался далеко въ сторонѣ.

Висимо-Шайтанскій заводъ раскидалъ свои домики на мѣстѣ встрѣчи трехъ горныхъ рѣчекъ—рѣки Висима, рѣки Утки и рѣки Шайтанки. Онъ занималъ горную котловину и показывался только съ послѣдней возвышенности. Всѣ три рѣчки соединялись въ одну, которая шла дальше подъ названіемъ Утки. Рѣка Шайтанка образовала главный или старый заводскій прудъ, кругомъ котораго разселились кержаки, какъ называютъ въ горныхъ заводахъ старовѣровъ. На правомъ берегу пруда лежала Нагорная улица, а на лѣвомъ—Гнилой конецъ и Пеньковка. Сейчасъ за прудомъ поднималась отлогая, покрытая покосами Кокурникова гора. Рѣки Утка и Висимъ сливались въ новый прудъ, устроенный недавно. Здѣсь рѣка Висимъ дѣлила селенье на два конца—Туляцкій и Хохлацкій. Старовѣры были первыми заводскими поселенцами, а хохлы и туляки были „пригнаны“ на Уралъ только въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Собственно, заводъ, т.-е. доменная печь и фабрика залегли въ глубокой ямѣ подъ плотиной стараго пруда. Издали видъ на заводъ былъ очень красивъ, какъ и на другіе Уральскіе заводы.

Изба Ковальчуковъ стояла въ хохлацкомъ концѣ,—переѣхать деревянный мостъ черезъ рѣку Висимъ, взять въ гору налѣво, гдѣ стояла печь для обжиганія извести и повернуть въ улицу.

— Ну, вотъ мы, слава Богу, и дома...—проговорилъ дѣдушка Елизаръ, съ трудомъ вылѣзая изъ таратайки.—Охъ, всю поясницу разломило!..

Ворота имъ отворила пріемышъ Настя, худенькая, черноглазая дѣвочка съ русой косой хвостикомъ.

— Поворачивайся живѣе! — грубо крикнулъ на нее Кирюшка, подражая своему пріятелю Тимкѣ.

Настя покраснѣла отъ натуги, отворяя тяжелыя ворота, но ничего не отвѣтила. Она еще не привыкла къ новой семьѣ и всѣхъ боялась.

— Баня готова, Настюшка? — спрашивалъ дѣдушка, охая.

— Бабушка Прасковья истопила...—тоненькимъ голоскомъ отвѣтила дѣвочка, переминаясь босыми ногами.

Изба у Ковальчуковъ была незавидная, особенно по такой большой семьѣ. Въ передней избѣ жили старики и ребята, а въ задней—молодые. Всѣмъ было тѣсно, а выдѣлить молодыхъ было не на что. Такъ и перебивались изъ года въ годъ. Старый сарай давно ужъ валился и требовалъ починки, но тоже „руки не доходили", какъ говорилъ дѣдушка. И баня была старая и совсѣмъ вросла въ землю. Бабушка Прасковья, сгорбленная и сморщенная старуха съ слезившимися глазами, всегда что-то ворчала себѣ подъ носъ и вѣчно охала. Она встрѣтила пріѣхавшихъ не особенно привѣтливо и точно удивилась, что они взяли да и пріѣхали. Впрочемъ, внучка Кирюшку она любила.

— Ну, что, старатель? — спрашивала бабушка, гладя его по головѣ.—Отвѣдалъ пріисковаго житья? Што это у тебя глазъ-то?

— Ничего, бабушка...

— Поглянулось?

— Еще какъ... Лучше не надо.

— А глазъ-то это у тебя што? Вотъ наказаніе!..

— Это, видно, гостинецъ...—пошутилъ дѣдушка.

Глазъ у Кирюшки припухъ, а надъ глазомъ образовался большой синякъ. Бабушка Прасковья только покачала головой. Изувѣчать парнишку ни за что, а куда съ нимъ, съ кривымъ-то? Ахъ, ты, грѣхъ какой! Ужъ эти парни всегда такъ, съ гостинцами, не мало ихъ износилъ хоть тотъ же Ефимъ, пока выросъ.

Дѣдушка парился въ банѣ до безпамятства. Зимой онъ выскакивалъ изъ бани и валялся прямо въ снѣгу, а потомъ опять бѣжалъ париться. Сидя на полкѣ и похлестывая вѣникомъ, старикъ говорилъ:

— А я тебя, Кирюшка, въ контору не отдамъ... Ни-ни!.. Будь ты мужикомъ, и конецъ тому дѣлу... Слышишь?

— Слышу, — отвѣчалъ покорно Кирюшка, не могшій себѣ даже представить, какъ бы онъ сталъ жить въ конторѣ, и что бы сталъ тамъ дѣлать.—Я и самъ не пойду въ контору, дѣдушка.

— Вотъ молодецъ... завтра пряникъ куплю.

Утромъ рано поднялись всѣ, кромѣ Кирюшки, который проспалъ до того времени, когда заблаговѣстили къ обѣднѣ. Его разбудилъ дѣдушка.

— Пойдемъ въ церковь, Кирюшка... Будетъ спать-то.

Кирюшка на-скоро умылся и переодѣлся по-праздничному, т.-е. въ новую ситцевую рубаху. Шапки и сапогъ не полагалось. Изъ Туляцкаго и Хохлацкаго концовъ народъ такъ и валилъ въ церковь. Мужиковъ было не много, а шли бабы и ребята. Старики между заутреней и обѣдней

сидѣли около церкви или на базарѣ. Небольшая деревянная церковь стояла на площади, которая образовалась между двумя прудами. Торговлю на базарѣ открывали только послѣ обѣдни. По дорогѣ къ церкви дѣдушка здоровался направо и налѣво. Всѣ были знакомы между собой, кромѣ того, не мало попадалось и разной родни. Всѣхъ жителей въ Висимѣ считалось около трехъ тысячъ, и всѣ знали другъ друга въ лицо, особенно старики. День былъ ясный, и народу въ церкви набралось полно. Кирюшка любилъ съ дѣдушкой бывать у обѣдни. Какъ-то, и праздникъ не въ праздникъ, если не сходить въ церковь. Попадались знакомые ребята, которые дразнили Кирюшку:

— Эй, ты, старатель, шапку потерялъ!.. Гдѣ это тебѣ глазъ починили?

— Кирюшка, не подавись платиной-то!.. Давай, другой глазъ поправимъ...

Мальчишки задирали Кирюшку, и ему очень хотѣлось подраться, но при дѣдушкѣ приходилось терпѣть. Онъ довольствовался тѣмъ, что показывалъ озорникамъ свой кулакъ.

Въ церкви уже служба началась, когда они пришли. На правомъ клиросѣ дребезжащимъ, старческимъ голосомъ читалъ и пѣлъ одинъ дьячекъ, Матвѣичъ, сгорбленный старикъ съ двумя смѣшными косичками на затылкѣ. Народу было столько, что руку просунуть негдѣ. Дѣдушка едва продрался до прилавка старосты, чтобы отдать свой пятачекъ на свѣчку.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ...—шепталъ дѣдушка, кладя земные поклоны.

Кирюшка мало молился, а больше смотрѣлъ по сторонамъ. Всѣ были разодѣты по-праздничному, особенно бабы. У стариковъ лица были такія строгія. Когда ребятишки продирались впередъ, ихъ оттискивали безъ всякихъ церемоній. На лѣвомъ клиросѣ стояли двое заводскихъ служащихъ и волостной писарь, а на правый къ Матвѣичу присоединились два поповича и штейгеръ Моховъ, подпѣвавшій басомъ. Кирюшкѣ все это нравилось, онъ старался молиться вмѣстѣ съ дѣдушкой.

Послѣ обѣдни дѣдушка дождался священника и о чемъ-то долго съ нимъ разговаривалъ. До Кирюшки долетѣли только послѣднія слова священника:

— А ты не сомнѣвайся... Смѣло отдай. Послѣ спасибо скажешь.

Дѣдушка мялся, перебирая въ рукахъ свою шляпу. Онъ нѣсколько разъ встряхивалъ головой, а потомъ проговорилъ:

— Ужъ и не знаю, какъ этому дѣлу быть...

VI.

Изъ церкви дѣдушка Елизаръ прошелъ на базаръ, гдѣ лавки были уже открыты, и толпа народу все прибывала. Особенно много набралось изъ Кержацкаго конца. Старовѣры, главнымъ образомъ, работали на фабрикѣ или въ куреняхъ и щеголяли въ халатахъ изъ чернаго сукна и въ шелковыхъ шляпахъ-цилиндрахъ. На пріискахъ ихъ было очень мало. Базаръ состоялъ всего изъ одного ряда лавокъ, а затѣмъ изъ мелкихъ лавченокъ, ларей и просто столовъ,

на которыхъ разложены были разныя разности: горшки, пряники, веревки, обувь.

Дѣдушка Елизаръ отправился къ знакомому торговцу, Макару Яковлевичу.

— Здравствуй, Макаръ Яковличъ...

— Здравствуй, Елизаръ... Что, должокъ принесъ?

— Плохо платина идетъ...

— У васъ все плохо...

Старикъ замялся. Ему было и совѣстно, и нужно было прикупить харчу на цѣлую недѣлю, а денегъ на уплату долга не оставалось.

— Повремени съ долгомъ-то, Макаръ Яковличъ. Разсчитаемся какъ-нибудь...

Макаръ Яковлевичъ, худенькій краснощекій торговецъ съ длиннымъ носомъ, маленькими глазками и гнилыми зубами, поломался немного, а потомъ согласился отпустить товаръ.

— Съ вами проторгуешься насквозь,—ворчалъ онъ.— Ну, чего будешь брать?

— Извѣстно, чего... Крупы надо, соли надо, муки, соленаго моксуна...

На послѣднемъ словѣ языкъ дѣдушки Елизара запнулся, точно колесо, наскочившее на камень. Вѣдь соленый моксунъ стоитъ всѣ 25 копѣекъ, — это ужъ было роскошью. Тоже вотъ надо бы взять солонинки, потомъ старуха наказывала купить горшокъ, у Анисьи башмаки износились,—словомъ, цѣлая гора всевозможной мужицкой нужды. Пока дѣдушка Елизаръ разбирался съ харчемъ и разсчитывался съ Макаромъ Яковлевичемъ, народъ стол-

лился у лавки съ краснымъ товаромъ. Слышались галдѣнье, шутки и смѣхъ.

— Аѳоня Канусикъ краснаго товару набираетъ!

— Братцы, смотрите, какъ Аѳоня весь базаръ купитъ.

У прилавка съ краснымъ товаромъ, дѣйствительно, стоялъ Аѳоня Канусикъ, сконфуженный и не знавшій, куда ему дѣваться. Онъ убѣжалъ бы изъ лавки, если бы не жена, которая его удерживала за рукавъ.

— Рѣжь ситцу на сарафанъ, — говорила она, не обращая ни на кого вниманія. — Да еще надо кумачу на рубаху, да башмаки новые, да иголку...

Послѣднее требованіе заставило всѣхъ хохотать.

— Канусиха, а ты ужъ двѣ иголки сразу покупай. За-одно зориться-то...

Всѣмъ было весело, и толпа росла, пока торговецъ не прогналъ всѣхъ.

— Чего вы не видали? Уходите... Завидно, вотъ и пристаете. Тоже, нашли потѣху... Сами-то все норовятъ въ долгъ забрать.

Дѣдушка Елизаръ тоже стоялъ въ толпѣ и только качалъ головой.—Экой глупый народъ, подумаешь... Лѣзутъ, какъ мухи.—Старикъ все думалъ о своемъ разговорѣ съ батюшкой и потряхивалъ головой. Мысли въ его головѣ двоились,—какъ-будто и такъ хорошо, и этакъ хорошо.

— Дѣдушка Елизаръ, — окликнулъ его осторожный голосъ.

Это былъ охотникъ Емельянъ. Онъ былъ въ такихъ же лохмотьяхъ, какъ всегда, несмотря на праздникъ. Отведя Елизара въ сторону, онъ ужъ шопотомъ проговорилъ:

— Пойдемъ къ дьячку Матвѣичу потолковать... Дѣло важнѣющее...

— Что же, пойдемъ,—согласился старикъ.

— Онъ сейчасъ выйдетъ изъ церкви. Ребятъ крестять.

Они остались на базарѣ дожидаться. Героями торга были тѣ старатели, у которыхъ платина шла хорошо — Шкарабуры, Сотники, Кисляковы, Шинкаренки. Они набирали и харчей и разнаго „панскаго“ товару — чекмени, лошадиную сбрую, сапоги, платки бабамъ, ребятамъ гостинцы. Дѣдушка Елизаръ смотрѣлъ на нихъ и только вздыхалъ.—Экъ, подумаешь, люди какъ деньгами сорятъ. Не даромъ говорится, что у денегъ глазъ нѣтъ. Старикъ опять вспомнилъ про свою вторую лошадь и совсѣмъ закручинился.

— Вотъ онъ, Матвѣичъ-то...—шепнулъ ему Емельянъ.

Дѣдушка Елизаръ купилъ Кирюшкѣ обѣщанный пряникъ и отправилъ его съ покупками домой.

Матвѣичъ усталой, разбитой походкой шагалъ черезъ площадь къ себѣ домой, подбирая полы распахивавшагося нанковаго подрясника. Дѣдушка Елизаръ и Емельянъ догнали его у воротъ длиннаго деревяннаго флигеля, гдѣ помѣщался причтъ заводской церкви: — о. дьяконъ, просвирня и дьячокъ.

— Матвѣичъ! а мы къ тебѣ...—проговорилъ Емельянъ.

— А...—отозвался Матвѣичъ, глядя на нихъ сѣрыми глазами съ удивительно маленькимъ зрачкомъ. — Милости просимъ.

По пути онъ досталъ берестяную табакерку и предложилъ гостямъ. Дѣдушка Елизаръ отказался, а Емельянъ съ какимъ-то ожесточеніемъ набилъ себѣ носъ.

— Хорошъ табачокъ... Самъ дѣлаешь, Матвѣичъ?

— Самъ...

Они прошли длинный дворъ и по деревянной лѣстницѣ поднялись въ квартиру Матвѣича. Это была одна большая комната, раздѣленная деревянными перегородками на три. Въ передней, замѣнявшей кабинетъ и мастерскую, на стѣнѣ висѣли два ружья и небольшой, деревянный шкафикъ съ разной снастью. Это была самая любимая комната Матвѣича, потому что изъ ея окна открывался видъ на горы,—впереди стояла зеленая Шульпиха, за ней виднѣлись Сѣдло, Осиновая и Кирюшкинъ-Камень; Бѣлая была закрыта Шульпихой.

Матвѣича уже ждалъ кипѣвшій самоваръ. Емельянъ пилъ и ѣлъ все, и поэтому съ удовольствіемъ выпилъ двѣ чашки, а Елизаръ опять отказался.

— Не случалось его пить... — объяснилъ онъ. — Да и что пить одинъ кипятокъ! Жидко очень...

— А ты попробуй...

— Ладно и такъ.

Матвѣичъ сходилъ за перегородку, что-то пошептался съ женой и послалъ куда-то младшаго сына. Черезъ четверть часа мальчикъ вернулся съ бутылкой водки. Емельянъ только крякнулъ и расправилъ усы.

— А мы къ тебѣ по дѣлу, Матвѣичъ, — объяснилъ онъ. — Дѣльце есть...

— Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ...

Отъ водки дѣдушка Елизаръ не отказался, хотя ему было немного и совѣстно опивать Матвѣича. Бѣдный дьячокъ получалъ меньше, чѣмъ заработаетъ любой мужикъ,

и питался только отъ своего огорода, коровы и охоты. Ему приходилось туго, но Матвѣичъ никогда не жаловался и терпѣлъ страшную нужду съ достоинствомъ истиннаго философа. Емельянъ тоже отличался философскими наклонностями и поэтому тоже не замѣчалъ своей вопіющей нищеты. Съ Матвѣичемъ онъ былъ неразлученъ и вмѣстѣ съ нимъ проживалъ въ горахъ по цѣлымъ недѣлямъ.

Послѣ второй рюмки Матвѣичъ снялъ съ себя подрясникъ и бережно повѣсилъ на стѣнку,—это была величайшая драгоцѣнность въ домѣ. Онъ теперь остался въ одной выбойчатой рубахѣ, и объ его дьячковскомъ званіи напоминали только однѣ косички. Емельянъ завелъ разговоръ о богатыхъ старателяхъ, которые сегодня форсили на базарѣ деньгами.

— Обрадовались, дураки... — злился онъ. — А какія такія деньги на свѣтѣ бываютъ,—и понятія не имѣютъ. Да...

— Ну, они-то знаютъ побольше насъ съ тобой,—замѣтилъ Матвѣичъ, онъ любилъ подзадоривать завистливаго друга.

— А вотъ и не знаютъ! Да я, если бы захотѣлъ, завтра бы богачемъ сдѣлался...

— Не пугай, Емеля.

— Вѣрно говорю!.. Я бы имъ показалъ...

Выпивъ залпомъ рюмку водки, Емельянъ хлопнулъ дѣдушку Елизара по плечу и проговорилъ:

— Хочешь, озолочу, старичокъ? И не тебя одного озолочу, а всѣхъ старателей... Поминайте Емельку. Да...

Матвѣичъ слушалъ и только улыбался. Очень ужъ смѣшно Емелька хвастается. Дѣдушка Елизаръ тоже ухмы-

лялся, чувствуя, какъ у него начинаетъ кружиться голова.

— Такъ обогатишь, Емельянъ?—спрашивалъ онъ.

— И очень просто... Вотъ и Матвѣичъ скажетъ. Да-а... Знаешь покосъ Дорони Бородина на Мартьянѣ?

— Кто его не знаетъ...

— Ну, такъ тутъ тебѣ и богачество... Хоть руками бери платину. А вы одно долбите: Шкарабуры, Шинкаренки, Канусикъ... тьфу!... Такъ, Матвѣичъ?

Матвѣичъ только покачалъ головой.

— На покосѣ у Дорони Бородина? Тоже и скажетъ человѣкъ...

— Да я же тебѣ говорю... Вотъ сейчасъ съ мѣста не сойти!—клялся Емельянъ.—Прямо богачество...

— Пустяки,—сказалъ Матвѣичъ.—Ты думаешь, до тебя никто и не пробовалъ? Весь Мартьянъ обшарили... Не положилъ,—не ищи.

Емельянъ окончательно разсердился, схватилъ шапку и, не простившись, ушелъ.

— Не отъ ума человѣкъ болтаетъ,—замѣтилъ Матвѣичъ.—Сонъ приснился, а онъ богачество. Пустяки... Ужъ я ли не знаю Мартьянъ? Слава Богу, сто разъ по нему прошелъ... Сколько шурфовъ брошенныхъ по нему. Тоже, добрые люди старались...

Когда дѣдушка Елизаръ возвращался отъ дьячка домой, ему было вдвойнѣ совѣстно: и дьячка опивалъ зря, и дѣла никакого не вышло. Напуталъ Емелька, только и всего.

— Повѣрилъ человѣкъ,—корилъ самого себя старикъ.—Дѣло...

Старикъ останавливался, укоризненно качалъ головой и вслухъ читалъ наставленія самому себѣ:

— Кому повѣрилъ-то? Емелькѣ... Самый непутевый человѣкъ. Стыдно, Елизаръ, сѣдая твоя борода. Вотъ какъ стыдно... Развѣ я не знаю покоса Дорони Бородина? Хе-хе... Самъ-то Емелька золотника платины не добылъ, а другихъ, говоритъ, обогачу. Въ самый разъ обогатитъ...Э-эхъ! Елизаръ, не хорошо...

VII.

Дома дѣдушку Елизара ждала новая бѣда. Дарья разсказала все бабушкѣ Парасковьѣ, какъ барыня на Авроринскомъ пріискѣ проситъ Кирюшку себѣ, и какъ заартачился старикъ. Женщины со всѣхъ сторонъ обсудили этотъ вопросъ и рѣшили, что старикъ просто дуритъ.

— Сбѣсился нашъ старикъ!—говорила бабушка Парасковья.— Ему ладно, прожилъ свой вѣкъ, а вѣдь Кирюшкѣ еще жить да жить надо...

— Свекровушка, вѣдь, онъ можетъ штегеремъ потомъ быть,—объясняла Дарья.—Ей-Богу... Все равно, какъ сейчасъ Моховъ.

— Штегеремъ!..

Бабушка Парасковья всплеснула руками. О такомъ счастьѣ она не могла и мечтать. Ну, не сбѣсился ли старикъ?

Именно въ разгаръ этихъ разговоровъ и вернулся дѣдушка Елизаръ. Бабушка Парасковья только взглянула на него и окончательно разсердилась:

— Да онъ совсѣмъ пьяный?! Охъ, пропади моя головушка!..

— Я-то пьянъ?—бодрился дѣдушка Елизаръ, стараясь принять строгій видъ.—Ничего вы не понимаете, потому

какъ есть вы бабы... хе-хе!.. Пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ. А Емелька дуракъ... да... то-есть самый круглый дуракъ! Сейчасъ съ мѣста не сойти...

— Ты вотъ больно уменъ у насъ,—ворчала бабушка Парасковья.—Съ какой это такой радости водки проклятой напился?

— А съ такой...

— Емелька-то, извѣстно, дуракъ, а ты съ чего это связываешься съ нимъ?

— Дѣло было... Ничего вы не понимаете

Дѣдушка Елизаръ пришелъ опять въ хорошее настроеніе и только отмахивался рукой, точно отгонялъ муху.

Потомъ бабушка Парасковья и Дарья заговорили разомъ. Обѣ такъ и наступали на старика. Сначала дѣдушка Елизаръ рѣшительно ничего не могъ понять, въ чемъ дѣло, а потомъ ужъ сообразилъ, что говорятъ о Кирюшкѣ.

— Эге! Такъ вотъ вы какъ со мной разговариваете?..— разсердился онъ, размахивая рукой.—Со мной... а?

— Ты бы то подумалъ, какъ мы перебиваемся да колотимся, — жаловалась бабушка Парасковья. — Опять въ долгъ набралъ харчей. Дома-то хоть шаромъ покати... Добрымъ людямъ праздникъ, а у насъ все нѣтъ ничего...

— Ну, ну, говори?

— И скажу... Все скажу. Какъ Кирюшку захотѣла барыня въ люди вывести, такъ ты и остребенился. По крайности, сытъ и одѣтъ будетъ, и притомъ въ теплѣ... Осенью-то заколѣетъ парнишка на вашей работѣ. Тоже жаль ребенка... Не велико мѣсто.

Дѣдушка Елизаръ сѣлъ на лавку. Дарья стояла у окна

и плакала. Съ полатей свѣшивалась голова большака Парѳена. При отцѣ сыновья не смѣли говорить.

— Позови сюда Кирюшку...—проговорилъ, наконецъ, старикъ.

Дарья побѣжала на улицу и привела Кирюшку, который немного струсилъ и остановился, на всякій случай, поближе къ двери.

— Подойди сюда, Кирюшка,—позвалъ его дѣдушка.

Онъ обнялъ его, погладилъ по головѣ и проговорилъ:

— Ну, а ты какъ думаешь, Кирюшка? Оставаться тебѣ въ мужикахъ, али господскій легкій хлѣбъ ѣсть?

— Не знаю...— плаксиво отвѣтилъ Кирюшка.

— Ахъ, Кирюшка, жаль мнѣ тебя... Вотъ какъ жаль!.. Ну, а теперь кончено... Спать хочу.

Что „кончено",—дѣдушка такъ и не сказалъ. Послѣ обѣда онъ, по обыкновенію, завалился спать, а вечеромъ куда-то ушелъ. Бабушка Парасковья и Дарья шушукали между собой потихоньку. Анисья надѣла новый сарафанъ и новый платокъ и ушла въ хороводъ, игравшій на горкѣ у „известки". Кирюшка бѣгалъ по улицѣ съ ребятами.

На другой день раннимъ утромъ вся семья отправилась на пріискъ. Настя опять стояла у воротъ и провожала ихъ печальными глазами. Ей было скучно оставаться съ бабушкой Парасковьей, которая вѣчно ворчала и охала. Дѣдушка Елизаръ былъ сердитъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. Въ такія минуты къ нему никто не подступался. Онъ все поглядывалъ на Кирюшку, качалъ головой и бормоталъ:

— А жаль... И какъ еще жаль-то!... Одна задача.

Когда они были ужъ близко около Захаровой, начался

дождь, смочившій всѣхъ до нитки. Особенно плохо доставалось женщинамъ, у которыхъ подолы сарафановъ облипли желтой глиной. Къ своей дѣлянкѣ приходилось ѣхать мимо пріисковой конторы на Авронинскомъ. „Солдатка“ сидѣла на крыльцѣ за самоваромъ и подозвала къ себѣ дѣдушку Елизара.

— Ну, что, старикъ, отдаешь мнѣ мальчика?—спросила она.

Старикъ по заводской привычкѣ снялъ шляпу и отвѣтилъ не вдругъ.

— Мы его грамотѣ выучимъ,—объясняла „солдатка“, раскуривая папиросу.

— Такъ-то оно такъ, сударыня-барыня, а только вы изведете парнишку. Отвыкнетъ онъ у васъ отъ настоящей мужицкой работы.

— Какъ знаешь. Я силой не желаю брать...

Вышелъ Ѳедоръ Николаевичъ, покашлялъ,—онъ постоянно кашлялъ,—и проговорилъ:

— Мальчику будетъ лучше...

Дѣдушка Елизаръ думалъ еще два дня. Какъ на грѣхъ, началось ненастье. Всѣ работали мокрые. Кирюшка корчился отъ холода на облучкѣ своей таратайки и походилъ на цыпленка, вытащеннаго изъ воды. Главная бѣда заключалась въ томъ, что и обсушиться за ночь было негдѣ. Въ землянкѣ стояла тяжелая сырость. Ребенокъ Марьи неистово кричалъ цѣлыхъ двѣ ночи. Дѣдушка Елизаръ продолжалъ думать, и только на третій день сказалъ:

— Кирюшка, оболокайся *).

---

*) Оболокайся—одѣвайся.

Они пошли къ конторѣ. Кирюшка шлепалъ по грязи босикомъ и дрожалъ отъ холода. Навстрѣчу имъ попался штейгеръ Моховъ, ѣхавшій верхомъ. Дѣдушка Елизаръ остановился и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Вотъ напрасно человѣкъ гоняетъ лошадь. Не великъ баринъ, могъ бы по промысламъ и пѣшкомъ пройти. Небось, сапоги со скрипомъ жалѣетъ. У старика опять мелькнула завѣтная мысль о второй лошади.

Въ конторѣ была одна „солдатка". Ѳедоръ Николаичъ ушелъ посмотрѣть машину, у которой что-то испортилось.

— Надумалъ, дѣдушка? — спросила Евпраксія Никандровна.

— Я-то не надумалъ, а такъ ужъ, видно, судьба... Жаль тоже мальчонку, какъ онъ мокнетъ подъ дождемъ. Мало еще мѣсто...

— Вотъ и отлично. А какъ глазъ? Ухъ, какой здоровый синякъ!.. Хочешь у насъ жить, Кирюшка?

— Не знаю...

— Потомъ все узнаетъ, — отвѣтилъ за него старикъ. Глупо еще...

— Онъ будетъ жить въ одной каморкѣ съ Минычемъ, т.-е. спать, а днемъ—у насъ. Дѣло найдется...

— Ужъ какъ знаете, сударыня. Чуть што, такъ вы его дерите...

„Солдатка" только улыбнулась.

— Зачѣмъ же драть, дѣдушка? Человѣкъ не скотина, да и скотину не хорошо бить.

Кирюшка стоялъ у крылъца и не понималъ, что происходитъ.

— Ахъ, онъ совсѣмъ мокрый!—ужаснулась „солдатка“.

Она позвала кухарку Спиридоновну и велѣла ей переодѣть мальчика въ старую рубашку Ѳедора Николаича, въ его сапоги и пиджакъ. Кирюшкѣ все было не въ пору, и онъ вышелъ на крыльцо очень сконфуженный.

— Ничего, это пока... — объясняла „солдатка“, улыбаясь.—Хоть все и не въ пору, а все-таки лучше мокраго.

Потомъ она вынесла стаканчикъ водки и подала дѣдушкѣ Елизару. Старикъ покачалъ головой, но выпилъ съ удовольствіемъ. Онъ уже третій день ходилъ и спалъ весь мокрый. Водка подѣйствовала на старика, и онъ присѣлъ на лѣсенку и разговорился.

— Плохая у васъ платина идетъ, дѣдушка?—спрашивала „солдатка.“

— Не то штобы совсѣмъ плохая, а только, значитъ, сила не беретъ...

Дѣдушка заговорилъ о второй лошади съ такимъ увлеченіемъ, какъ говорятъ только о самомъ дорогомъ человѣкѣ. Евпраксія Никандровна слушала его внимательно и только удивлялась, отъ какихъ пустяковъ иногда зависитъ благосостояніе цѣлой семьи.

— Да, вѣдь, лошадь стоитъ всего тридцать! — проговорила она.

— И за двадцать можно купить. Вотъ только нѣтъ ихъ... Маемся всей семьей, а обработать лошадь не можемъ. Только-только тянемся изъ-за хлѣба на воду.

— Вотъ у другихъ идетъ хорошая платина.

— Это уже кому Богъ счастье пошлетъ. Все отъ Бога.

Пришелъ съ машины Ѳедоръ Николаичъ. Онъ тоже промокъ и посмѣялся надъ Кирюшкой.

— Оставьте его, — говорила „солдатка“. — Онъ смущается. Мы завтра же со Спиридоновной сошьемъ ему рубаху.

Дѣдушка еще разъ разсказалъ Ѳедору Николаичу о второй лошади и все качалъ головой.

— Да, дѣйствительно, съ двумя лошадьми работа куда спорѣе, — согласился Ѳедоръ Николаичъ, шагая по крыльцу какъ журавль.

Возвращаясь въ свою землянку, дѣдушка Елизаръ все время встряхивалъ головой и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ. Ему навстрѣчу опять попался ѣхавшій верхомъ Моховъ. Старикъ опять остановился и началъ думать вслухъ:

„Хорошая лошадь у Мохова, а только ни къ чему... Въ самый разъ ему только пѣшкомъ ходить“.

Дома старикъ объяснилъ Дарьѣ, что опредѣлилъ Кирюшку „на службу“. Дарья заплакала.

— Вотъ ты и сообрази съ бабами, — разсердился дѣдушка Елизаръ. — Дома-то съ бабушкой поѣдомъ меня ѣли, а какъ сдѣлалъ по-ихнему, — сейчасъ ревѣть...

VIII.

Всю первую недѣлю своей жизни въ конторѣ Кирюшка находился точно въ туманѣ, потому что ничего не могъ понять. Это былъ совершенно другой міръ, гдѣ все было по-своему, и даже слова имѣли другое значеніе. Напримѣръ, — „солдатка“ читала какую-нибудь книжку или что-то пишетъ, а потомъ потянется и усталымъ голосомъ проговоритъ:

— Ухъ, какъ я заработалась, Ѳедя...

Сначала Кирюшка думалъ, что она шутитъ, а потомъ увидалъ, что нѣтъ. Даже охнетъ другой разъ „солдатка“ отъ своей „работы“, а Кирюшкѣ смѣшно. Какая же это работа, въ самомъ дѣлѣ? Вотъ ежели бы „солдатку“ къ вашгерду поставить со скребкомъ или заставить пески возить въ таратайкѣ цѣлый день, — вотъ это работа. Потомъ удивляла Кирюшку господская ѣда: — и чай каждый день пьютъ, а сахаръ валятъ въ стаканы цѣлыми кусками, и бѣлый хлѣбъ всегда на столѣ, и за обѣдомъ всегда говядина и яйца. Кирюшка понялъ, что Ѳедоръ Николаичъ страшно богатъ, богаче всѣхъ на пріискѣ и въ Висимѣ, и просто не знаетъ, куда дѣвать деньги. Вѣдь, этакъ совсѣмъ можно проѣсться въ одну недѣлю... Кирюшка невольно припоминалъ, какъ мать усчитывала каждую корочку хлѣба и каждую ложку варева, какъ дѣдушка Елизаръ забиралъ въ долгъ харчи и тоже разсчитывалъ каждый грошъ, а тутъ „ѣшь не хочу“. Кирюшка даже спросилъ Миныча о несмѣтныхъ богатствахъ смотрителя.

— Какое богатство? — удивился Минычъ и даже разсердился. — Такіе же богачи, какъ и мы съ тобой. Ничего у нихъ нѣтъ... На жалованье живутъ, и тоже свои долги есть.

Очевидно, Минычъ хитрилъ и скрывалъ отъ Кирюшки, потому что одного жалованья въ мѣсяцъ Ѳедоръ Николаичъ получалъ семьдесятъ рублей, а на эти деньги дѣдушка Елизаръ купилъ бы четырехъ лошадей. Какое же еще богатство? Ясно, что Минычъ притворяется, — можетъ быть, не хочетъ сказать правды. Вторую неразрѣшимую загадку

для Кирюшки составляло то, что Ѳедоръ Николаичъ такой худой. По ихней господской ѣдѣ нужно бы быть толстымъ, какъ бочка, а онъ—въ чемъ душа держится. Кирюшка первую недѣлю накинулся на господскую ѣду съ такимъ азартомъ, что кухарка Спиридоновна постоянно ворчала.

— И во што только ѣстъ, пострѣлъ! Большому мужику столько не съѣсть, а Ѳедору Николаичу и въ три дня не одолѣть...

— Пусть отъѣдается,—упокоивалъ ее Минычъ.—Потомъ самъ отвалится... Это онъ съ голодухи напалъ.

„Солдатка", напротивъ, даже любовалась, когда Кирюшка ѣлъ. Вотъ это настоящій аппетитъ, какъ и слѣдуетъ быть здоровому ребенку! Глядя на Кирюшку, она сам хотѣла ѣсть.

Но больше всего удивлялся Кирюшка господамъ, какъ они жили между собою. Начать съ того, что „солдатка" совсѣмъ не боялась мужа. Даже вотъ нисколько не боялась а выходило такъ, что какъ-будто даже самъ Ѳедоръ Николаичъ побаивался жены. Не то что побаивался, а какъ-то такъ, уступалъ во всемъ. За вечернимъ чаемъ они часто спорили, и Ѳедоръ Николаичъ горячился и начиналъ кричать тонкимъ голосомъ. И спорили всегда объ одномъ и томъ же—о какой-то „женщинѣ".

— Женщина угнетена, женщина порабощена,—говорила „солдатка".—Да, она въ полномъ рабствѣ...

— Ты преувеличиваешь, Фрося,—спорилъ Ѳедоръ Николаичъ.—Конечно, ей не легко, это правда, но рабства еще нѣтъ...

Недоумѣвавшій Кирюшка обратился за разъясненіемъ

къ штейгеру Мохову, который долженъ былъ знать рѣшительно все, потому что не только въ Тагилѣ, но даже въ городѣ живалъ. Моховъ долго соображалъ и, наконецъ, проговорилъ:

— Должно такъ полагать, што эта самая женщина, т.-е. баба, гдѣ-нибудь въ Тагилѣ живетъ. Барыня-то добрая, вотъ и жалѣетъ... Кто-нибудь ее, т.-е. эту самую бабу, обидѣлъ, а можетъ, и сама виновата.

Когда Евпраксія Никандровна случайно узнала объ этомъ объясненіи Мохова, то хохотала до слезъ, Ѳедоръ Николаичъ тоже смѣялся до кашля. Кирюшка окончательно ничего не понималъ.

— Ахъ, какіе вы глупые!—смѣялась „солдатка".— Хочешь учиться грамотѣ, Кирюшка?

— Боюсь...—откровенно признался Кирюшка.

— Чего же ты боишься, глупый мальчикъ?

— А драть будешь...

— Кто это тебѣ сказалъ? Опять Моховъ?

— Онъ... Его тоже драли... цѣлый годъ... Онъ у раскольничьей мастерицы два года учился.

— Скажи ему, чтобы онъ не болталъ глупостей. Я буду заниматься съ тобой сама. Понимаешь? Всетаки Кирюшка страшно боялся грамоты и даже хотѣлъ убѣжать къ матери. А тутъ еще Моховъ поддразнивалъ:

— Это барыня только такъ говоритъ, а когда дѣло дойдетъ до настоящаго, то небо съ овчинку покажется. Меня мастерица-то вотъ какъ полировала...

— Перестань ты молоть!—вступился Минычъ.—Только парнишку напрасно смущаешь... Мало тебя, Моховъ, мастерица-то лупцовала.

Грамота началась какъ-то незамѣтно, и Кирюшка убѣдился въ нѣсколько уроковъ, что никакой порки не будетъ а даже, напротивъ,—„солдатка“ хвалила его и по праздникамъ давала пряниковъ. Домой въ Висимъ Кирюшка уже не ѣздилъ вмѣстѣ съ семьей, да ему и не хотѣлось. Въ конторѣ было веселѣе. Ему хотѣлось только показать дома новые сапоги, пиджакъ и фуражку, которымъ всѣ завидовали, а больше всѣхъ—Тимка.

— Ты теперь въ томъ родѣ, какъ смотрителевой курицы племянникъ,—дразнилъ Тимка.—А все я тебя произвелъ... Говори мнѣ спасибо, што тогда глазъ починилъ. Надо бы оба за-разъ...

Кирюшка жилъ въ крошечной каморкѣ вмѣстѣ съ Минычемъ. У него была даже кровать, устроенная изъ досокъ. Больше всего Кирюшку удивила подушка, которую ему дала Евпраксія Никандровна. Ему не случалось дома спать на подушкѣ. Работа въ конторѣ была самая легкая. Кирюшка чистилъ платье, сапоги Ѳедора Николаича, ботинки „солдатки“, подавалъ кушанье за обѣдомъ, убиралъ посуду а главнымъ образомъ состоялъ на побѣгушкахъ. Собственно говоря, работы никакой не было, и Кирюшка по цѣлымъ днямъ слонялся безъ всякаго дѣла. Да и у другихъ работы было не много, кромѣ субботы. Моховъ спалъ по три раза въ день, спалъ до того, что у него „опухли глаза“, какъ говорила Спиридоновна, Минычъ, по крайней мѣрѣ, любилъ почитать особенно „вѣдомости“, какъ онъ называлъ газету. Обыкновенно, старикъ читалъ вслухъ, и сначала Кирюшка рѣшительно ничего не могъ понять, какъ ни старался слушать.

— Ну-ка, почитаемъ, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается,— говорилъ Минычъ, бережно развертывая большой газетный листъ.—Тоже живые люди вездѣ живутъ!..

Подсаживался послушать иногда Моховъ и заводилъ непремѣнно споръ. Больше всего Моховъ интересовался почему-то турками.

— Ну-ка, поищи, какъ турки живутъ?—просилъ онъ Миныча.—Хоть бы одного живого турка убить. Самые они нехристи...

— Такіе же люди, какъ и вы,—говорилъ Минычъ.— Только вѣра другая... Вонъ наши татары—тоже масульмане, т.-е. Магометова закона. За что же ихъ убивать?

— А вотъ за это самое... Ежели бы я былъ царь, такъ всѣхъ бы ихъ въ православный законъ поворотилъ. Вызвалъ турку и сейчасъ ему: „принимай нашъ законъ, свиное ухо, а то голову прочь“. Вотъ тебѣ и весь разговоръ.

Кирюшка былъ на сторонѣ Мохова и тоже начиналъ ненавидѣть турокъ, главнымъ образомъ, потому, что они турки. Потомъ онъ ненавидѣлъ „англичанку“, эту уже безъ всякаго основанія. А тамъ оставались еще нѣмцы, французы и жиды, но съ ними Кирюшка уже окончательно не зналъ, что дѣлать. Вообще, его познанія увеличивались съ каждымъ днемъ. Прибирая комнату, Кирюшка съ особеннымъ вниманіемъ останавливался передъ этажеркой съ книгами. Неужели Ѳедоръ Николаичъ выучилъ ихъ всѣхъ наизусть, какъ увѣрялъ Минычъ? Теперь Кирюшкѣ было понятно, отчего онъ такой худой. Вонъ Моховъ едва половину Псалтыря выучилъ въ два года, а тутъ пудовъ пять книгъ будетъ.

Къ „своимъ“ Кирюшка бѣгалъ раннимъ утромъ, пока въ конторѣ еще спали. Дарья только качала головой, когда онъ разсказывалъ о своемъ житьѣ. Дѣдушка Елизаръ хмурился и молчалъ.

— Што же имъ, — извѣстно, господа, — говорила Дарья.—Самая ихняя легкая жисть... Не то што какъ мы вонъ колотимся.

— Въ чужомъ рту кусокъ великъ, — замѣчалъ дѣдушка, не любившій, когда завидовали кому-нибудь. — Кому что Богъ далъ,—тотъ тѣмъ и владѣй.

Платина у Ковальчуковъ по-прежнему шла такъ себѣ, и семья продолжала перебиваться кое-какъ. Дарья какъ ни разсчитывала, а къ концу недѣли едва могла свести концы съ концами. Другіе старатели завидовали имъ.

— Устроили парнишку, — лучше не надо. И сапоги новые, и шапка, и одежонка. Прямо, счастье этимъ Ковальчукамъ.

IX.

Въ началѣ августа начались холодные горные дожди, и Кирюшка только теперь въ полную мѣру оцѣнилъ свое привилегированное положеніе. Всѣ пріисковые цѣлыми днями мокли на дождѣ. По вечерамъ не слышно было пѣсенъ, веселаго говора и смѣха. Всѣ ходили сумрачные и недовольные. Тимка гонялъ на своей таратайкѣ съ какимъ-то ожесточеніемъ, вымещая на своей лошаденкѣ скверное расположеніе духа. У Ковальчуковъ тоже было не весело. Дѣдушка Елизаръ жаловался на спину и на ноги, которыя были застужены давно. Особенно достава-

лось бабамъ, у которыхъ мокрые сарафаны прилипали къ ногамъ. Онѣ походили на мокрыхъ курицъ. Платина у Ковальчуковъ по-прежнему шла плохо.

— Брошу я прiисковую работу, — говорилъ дѣдушка Елизаръ.—Будетъ, было всласть пороблено.

Другiе мужики угрюмо молчали. Что было тутъ говорить, когда приходилось цѣлые дни колѣть на холодѣ? Главная бѣда, что и обсушиться было негдѣ, и ложились спать всѣ мокрые. Мать Кирюшки попробовала было принести въ контору къ Кирюшкѣ посушить мокрые сарафаны, но кухарка Спиридоновна ее прогнала.

— Тоже отъ ума баба придумала. Этакъ-то весь прiискъ будетъ обсушивать. Говорила бы спасибо, что Кирюшку воспитываемъ, а она сарафаны мокрые волокетъ.

Только одинъ человѣкъ не боялся осенняго ненастья.— это охотникъ Емелька. Онъ по-прежнему бродилъ по лѣсу, ночевалъ по лѣснымъ избушкамъ и промышлялъ охотой. Аккуратно, черезъ два дня онъ приходилъ въ контору на Авроринскiй и приносилъ разную „дичину“ — рябчиковъ, глухарей, тетерекъ. Евпраксiя Никандровна очень любила дичь и непремѣнно покупала что-нибудь, чтобы Емелька не обидѣлся и не пересталъ ходить.

— Житье тебѣ, Емелька, — Завидовалъ Моховъ.—Какъ придешь, такъ копѣекъ тридцать и получишь, а то и всю полтину сцапаешь.

— А порохъ-то да дробь, поди, денегъ стоятъ?—точно оправдывался въ своемъ грабительствѣ Емелька. — Тоже мокнешь-мокнешь день-то деньской въ лѣсу, ходишь-ходишь, какъ грѣшная душа.

Въ конторѣ Емелька обсушивался въ коморкѣ у Минычa. Ночевать онъ оставался рѣдко, потому что въ теплѣ какъ разъ еще проспишь, а птица не ждетъ. Надо ее раннимъ утромъ добывать, когда она кормится по ягодникамъ. У Емельки на все была своя примѣта, и кухарка Спиридоновна считала его немножко колдуномъ.

— Конечно, колдунъ,—спорила она.—Живетъ одинъ въ лѣсу, какъ глухарь. Да я бы померла со страху въ одну ночь... Мало ли што поблазнитъ ночнымъ дѣломъ.

Емелька молчалъ. Онъ презиралъ всѣхъ бабъ на свѣтѣ и не вступалъ съ ними въ разговоръ, не то что спорить. Минычъ оживлялся, когда приходилъ Емелька, и они потихоньку вдвоемъ пропивали часть вырученныхъ за дичь денегъ. Минычъ, когда выпивалъ, дѣлался необыкновенно добродушнымъ, усиленно моргалъ слезившимися глазами, отчаянно набивалъ носъ табакомъ и безъ конца что-нибудь разсказывалъ. Емелька тоже ожесточенно нюхалъ табакъ и внимательно слушалъ.

— И куда только эта самая платина идетъ, Минычъ?—удивлялся иногда Емелька.—Вотъ сколько мѣста ископано, а она все уходитъ куда-то. Кому-то, значитъ, надобно. Деньги, сказываютъ, изъ нея не дѣлаютъ.

— Прежде дѣлали, а нынче не дѣлаютъ,—объяснялъ Минычъ.—А идетъ наша платина за границу, къ англичанамъ. Они изъ нея разное такое дѣлаютъ.

— Что разное-то?

— А кто ихъ знаетъ... Она строгая, значитъ, платина, никакой кислоты не боится, окромя царской водки *), ну.

*) Царская водка—смѣсь изъ соляной и азотной кислотъ.

значитъ, она и подходитъ имъ, англичанамъ. Федоръ Николаичъ сказывалъ какъ-то, что англичане даже очень уважаютъ нашу платину, потому какъ на всемъ свѣтѣ ея больше нигдѣ нѣтъ. Въ Америкѣ малость добываютъ, такъ сущіе рустяки... Еще сказывалъ Ѳедоръ Николаичъ, что эта самая платина будетъ дороже золота.

— Ну, ужъ это онъ вретъ, — не вѣрилъ Емелька.— Какъ же это можно, чтобы съ золотомъ приравнять? За золото-то по четыре рубля золотникъ платятъ, а за платину— всего тридцать копѣекъ. Нѣтъ, такъ, пустое господа болтаютъ... Ну, кому нужна платина? Вотъ перестанутъ англичане покупать, и будетъ всѣмъ крышка.

— Тогда нѣмцы будутъ покупать.

Емельку сильно разбирало сомнѣніе относительно будущности платины. Онъ продолжалъ думать о покосѣ Бородина, гдѣ лежали, по его мнѣнію, несмѣтныя сокровища. Неудача переговоровъ у дьячка Матвѣича нисколько ни охладила увѣренность Емельки. Онъ каждую недѣлю приходилъ посмотрѣть завѣтное мѣстечко; точно хорошій хозяинъ, который осматриваетъ свои владѣнія, качалъ головой, ругалъ глупаго дьячка, который ему не вѣрилъ, и, вообще, волновался.

Кухарка Спиридоновна давно подозрѣвала, что Емелька не спроста шляется въ контору, а дичину приноситъ только „для отвода глазъ“. Будто рябчиковъ принесъ, а у самого не рябчики на умѣ. Эти подозрѣнія скоро оправдались. Разъ въ ненастный день Емелька остался ночевать въ конторѣ. Минычъ раздобылъ гдѣ-то бутылку водки, и друзья благодушествовали, какъ и слѣдуетъ истиннымъ

друзьямъ. Выпивъ, Емелька разсказалъ Минычу о бородинскомъ покосѣ.

— Знаю, какже, — согласился Минычъ. — То-есть покосъ-то знаю, но что касается платины... Ужо надо Мохова спросить.

Былъ приглашенъ Моховъ. Онъ съ удовольствіемъ допилъ остатки водки, крякнулъ, вытеръ рукой жесткіе рыжіе усы и проговорилъ:

— Нѣтъ этого пріятнѣе, какъ ежели хорошая компанія.

Емелька угрюмо молчалъ. Минычъ принялся говорить за него и понесъ страшную околесную. Почему-то онъ сначала заговорилъ о туркахъ, которые ничего не понимаютъ, потомъ похвалилъ американцевъ (Моховъ увѣрялъ, что американцы и цыгане—одно и то же), потомъ вспомнилъ ни къ селу ни къ городу своего покойнаго отца (Минычъ при этомъ счелъ долгомъ прослезиться) и потомъ уже передалъ предположеніе Емельки о богатой платинѣ. Моховъ выслушалъ все совершенно равнодушно, а потомъ совершенно неожиданно обидѣлся.

— Что же, мы-то, по-твоему, круглые дураки?—напалъ онъ на молчавшаго Емельку.—Да! Ничего не понимаемъ? Мы-то, въ трехъ соснахъ заблудились, а ты вотъ всѣхъ умнѣе и оказалъ себя... Ахъ, ты, чучело гороховое!.. Недаромъ и поговорка такая есть: „Мели Емеля, твоя недѣля“. Тоже учить поумнѣе себя вздумалъ, а самому тремъ свиньямъ корму не раздѣлить.

— Да ты что ругаешься-то?!—тоже неожиданно озлился Емелька. — Тебѣ сурьезное дѣло говорятъ, и ты говори сурьезное дѣло.

— Я дѣло и говорю! — уже кричалъ Моховъ, размахивая руками. — Кажется, слава Богу, хорошо можемъ понимать, — какой ты есть человѣкъ, Емелька, ежели разобрать? Такъ, мусоръ какой-то. Вотъ одежонки не можешь выправить, а еще берешься учить другихъ.

— Одежа у меня, точно, немного тово... — согласился Емелька, оглядывая свои лохмотья. — Ужо какъ-нибудь заведу. А все-таки это не касаемо платины...

Минычъ нерѣшительно началъ поддерживать Емельку, и это заступничество окончательно взорвало Мохова. Онъ вскочилъ и, размахивая кулаками, началъ наступать на Емельку:

— Значитъ, по-твоему, старый чортъ, я ничего нестоющій штейгеръ? Да? Ну, говори? Значитъ, я ничего не понимаю, по-вашему? Только даромъ хлѣбъ ѣмъ? Да я васъ обоихъ въ одинъ узелъ завяжу и въ окошко выброшу..

Моховъ такъ разбушевался, что Емелька, дѣйствительно выскочилъ безъ шапки въ окошко.

— Я и ружье твое изломаю! — кричалъ Моховъ. — Благодари Бога, что живъ ушелъ... Учитъ Мохова!.. Ахъ, вы, стрекулисты!..

На шумъ прибѣжалъ Ѳедоръ Николаичъ и рѣшительно ничего не могъ понять въ чемъ дѣло. Всѣ говорили разомъ, перебивали другъ друга, и теперь больше всѣхъ горячился Минычъ. Онъ дошелъ до того, что схватилъ щепотку нюхательнаго табаку и бросилъ его въ глаза Мохову. Чуть не произошла драка, и только Ѳедоръ Николаичъ кое-какъ разнялъ спорившихъ. Онъ тоже взволновался и раскашлялся до слезъ.

— Какая платина? гдѣ платина?-- спрашивалъ онъ.

— Онъ разстраиваетъ народъ и только меня срамитъ!— объяснилъ Моховъ, тяжело дыша.—Кажется, я служу вотъ какъ... Комаръ носу не подточитъ. Вотъ какъ стараюсь...

Когда дѣло, наконецъ, разъяснилось, Ѳедоръ Николаичъ только развелъ руками, точно всѣ трое съ ума сошли.

— Нѣтъ, вы насъ разсудите, Ѳедоръ Николаичъ,— приставалъ Минычъ, сжимая тощіе кулачки.—Такъ невозможно... Ежели бы не вы, такъ Моховъ убилъ бы насъ.

— Что же я васъ разсужу? — недоумѣвалъ Ѳедоръ Николаичъ.—Надо сдѣлать пробу, тогда и будетъ видно.

— Если пошлете Мохова, такъ ничего и не увидите,—мрачно объяснилъ Емелька.—Мнѣ-то что же... Не моя платина. А только она есть... Другіе, по крайней мѣрѣ, спасибо скажутъ.

— На колѣнкахъ тебя благодарить будутъ,—язвилъ Моховъ.—Нашелся благодѣтель. Значитъ, по-твоему, и Ѳедоръ Николаичъ тоже ничего не понимаетъ?

— Перестаньте, Моховъ, какъ вамъ не стыдно!—уговаривалъ Ѳедоръ Николаичъ расходившагося штейгера.— Никто и не думалъ этого говорить...

Моховъ опять вспылилъ. Онъ бросилъ свою шапку на полъ и проговорилъ:

— Обидѣли вы меня, Ѳедоръ Николаичъ, за мою службу. Вотъ какъ-то мнѣ къ сердцу пришлось. Да.. Кажется, обругайте вы меня, какимъ угодно словомъ, а только не заступайтесь за Емельку.

— Я и не думалъ ни за кого заступаться... Вы, Моховъ, кажется, съ ума сошли.

Моховъ плюнулъ и убѣжалъ изъ комнаты. Ѳедору Николаичу сдѣлалось смѣшно, и онъ тоже ушелъ.

За ужиномъ Ѳедоръ Николаичъ разсказывалъ женѣ о случившемся и смѣялся до слезъ.

— Это очень характерно,—объяснялъ онъ.—У насъ всѣ помѣшаны на богатствѣ, т.-е. на быстромъ обогащеніи. И Емелька тоже... Интереснѣе всего то, что онъ въ данномъ случаѣ хлопочетъ совсѣмъ не о себѣ.

— Онъ какой-то особенный,—замѣтила Евпраксія Никандровна.

— А Моховъ былъ великолѣпенъ! Еще бы немного, и онъ готовъ былъ, кажется, и меня поколотить. Безнадежно глупый мужчина. Представь себѣ, онъ страшно и серьезно обидѣлся. Хе-хе... Нѣтъ, это была удивительная сцена.

— А ты какъ думаешь объ Емелькѣ?—спросила Евпраксія Никандровна прислужившаго Кирюшку.

— Что же тутъ думать?—бойко отвѣтилъ Кирюшка.—Всѣмъ извѣстно, што онъ колдунъ.. Недаромъ въ лѣсу живетъ постоянно. Онъ также хотѣлъ дѣдушку Елизара подманить...

— Ну, а что же дѣдушка?

— Онъ только посмѣялся.

— Все-таки нужно будетъ попробовать,—рѣшилъ Ѳедоръ Николаичъ,—провѣрить Емельку. Можетъ быть, что-нибудь и окажется...

Ѳедоръ Николаичъ вмѣстѣ съ другими плохо вѣрилъ въ висимскую платину. Было время, да прошло, а теперь остатки подбираютъ. Мѣста кругомъ всѣ хорошо извѣстны, каждый вершокъ земли, и старатели нашли бы давно,

если бы что-нибудь было. Народъ опытный и знаетъ свое дѣло отлично.

— А если Емелька правъ? — спрашивала Евпраксія Никандровна.

— Все равно, онъ для себя ничего не получитъ, потому что самъ работать на пріискѣ никогда не будетъ. Не такой человѣкъ...

Емелька больше не показывался въ конторѣ. Старикъ, видимо, обидѣлся, и Евпраксія Никандровна осталась безъ дичи.

— Эка невидаль—рябчики,—ворчалъ Моховъ.—Да я ихъ сколько угодно представлю. Сдѣлай милость...

Онъ, дѣйствительно, два утра уходилъ на Момыниху и приносилъ оттуда рябчиковъ, а потомъ залѣнился и бросилъ.

Ѳедоръ Николаичъ отправился дѣлать пробу самъ. Покосъ Дорони Бородина ничего особеннаго собою не представлялъ. Просто зеленый лугъ на правомъ берегу Мартьяна, и больше ничего. Кое-гдѣ были уже сдѣланы кѣмъ-то пробныя ямы (шурфы), и теперь стояли наполненныя водой. Примѣта плохая. Но Ѳедоръ Николаичъ велѣлъ сдѣлать пять новыхъ шурфовъ. Работали цѣлый день и ничего особеннаго не нашли. Платина въ пескахъ была обыкновеннаго содержанія, какъ на Авроринскомъ и на Сухомъ.

— Во снѣ Емелька видѣлъ свою платину,—замѣтилъ Моховъ —Умнѣе всѣхъ хотѣлъ себя оказать. Просто посмѣяться надъ нами хотѣлъ.

Кирюшка тоже присутствовалъ при этой пробѣ и согласенъ былъ съ Моховымъ.

X.

Осень для Ковальчуковъ закончилась очень грустно. Расхворалась Дарья, мать Кирюшки. Она простудила ноги въ холодной осенней водѣ. Ее увезли домой безъ памяти. На пріискѣ теперь не съ кѣмъ было управляться, и артель разстроилась. Нѣкоторое время оставался въ землянкѣ одинъ дѣдушка Елизаръ. Онъ рѣшилъ перемѣнить дѣлянку и подыскивалъ новое мѣсто. Въ этомъ заключалось спасеніе всей семьи, а какъ они перебьются зиму,—дѣдушка Елизаръ боялся и подумать. Мужики будутъ какъ нибудь околачиваться на поденной работѣ—на фабрикѣ, въ извозѣ или въ куренѣ, гдѣ рубятъ дрова для фабрики и жгутъ уголья. Бабамъ зимой ужъ некуда дѣваться. Сиди дома да посвистывай въ кулакъ.

— Охъ, какъ только и перебьемся зиму!—горевалъ старикъ.—А я еще о второй лошади думалъ на Кирюшкино счастье... Вотъ тебѣ и вторая лошадь.

Теперь дѣдушка Елизаръ каждый день приходилъ въ контору къ Кирюшкѣ и любилъ посидѣть темный осенній вечеръ въ теплѣ у Миныча. Старикъ не жаловался никому и, вообще, не любилъ болтать о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Питался онъ однимъ чернымъ хлѣбомъ, запивая ключевой водой, да и хлѣбъ былъ на исходѣ. Одинъ Кирюшка зналъ, какъ перебивается старикъ, и по-дѣтски его жалѣлъ, но тоже молчалъ. Только разъ онъ не утерпѣлъ, когда Евпраксія Никандровна стала разспрашивать, зачѣмъ остался старикъ на пріискѣ, и какъ онъ живетъ въ землянкѣ одинъ.

— Дома-то нечего дѣлать, вотъ и живетъ,—объяснилъ Кирюшка.

— Что же онъ ѣстъ? Кто ему готовитъ?

Кирюшка даже засмѣялся. „Солдатка“ какъ есть ничего не понимала.

— Чего готовить-то, барыня? Слава Богу, ржаной хлѣбъ есть. Еще день на пять хватитъ... Главное, чтобы мѣсто получше обыскать къ веснѣ.

Кырюшка говорилъ тономъ большого человѣка, а Евпраксіи Никандровнѣ показалось, что онъ относится къ голодавшему старику совершенно безсердечно. Она не могла себѣ представить, какъ можно голодать, да еще старому человѣку, которому нужны и покой, и уходъ, и стариковскій уютъ. А Кирюшка понималъ все отлично, потому что самъ раньше частенько голодалъ.

— Отчего ты раньше ничего не сказалъ?—укоряла его „солдатка“. — У насъ отъ обѣда и отъ завтрака много остается...

Кирюшка молчалъ. Всѣ остатки доѣдалъ обыкновенно Моховъ, отличавшійся большой прожорливостью. Да и дѣдушка не такой, чтобы чужими объѣдками пользоваться. „Солдатка“ не оставила этого дѣла, переговорила съ мужемъ и потомъ позвала дѣдушку Елизара:

— Вотъ что, старичокъ... — заговорила она, немного стѣсняясь.—У насъ живетъ твой внучекъ уже два мѣсяца. Ему слѣдуетъ получить жалованье...

— Какое ужъ тутъ жалованье... Прибрали мальчишку, и за то спасибо. Сытъ, одѣтъ, сидитъ въ теплѣ...

— Нѣтъ, серьезно. Мы ему будемъ платить по два

рубля въ мѣсяцъ. Значитъ, тебѣ слѣдуетъ получить за два мѣсяца четыре рубля.

Дѣдушка Елизаръ только почесалъ въ затылкѣ. Для него четыре рубля сейчасъ составляли цѣлый капиталъ. Пожалуй, на эти деньги и мѣсто можно обыскать, ежели у барыни рука легкая. Тяжело все-таки было старику брать эти деньги, точно онъ бралъ что-то чужое.

— На легкую руку возьму,—объяснилъ онъ. На счастье, значитъ...

— У меня рука легкая, — шутила Евпраксія Никандровна, передавая деньги.—Надо было раньше отдать, да все какъ-то забывалось. Къ Рождеству твой Кирюшка будетъ читать и писать, а потомъ увидимъ. Онъ славный мальчуганъ...

Одновременно съ этимъ Спиридоновнѣ былъ отданъ самый строгій приказъ, когда придетъ дѣдушка Елизаръ, кормить его.

— Тоже придумаютъ,—ворчала кухарка.—Развѣ всѣхъ накормишь? Раньше Емелька шатался, а теперь старикъ повадился. Мало ли на пріискѣ народу наберется...

Получивъ деньги, дѣдушка Елизаръ точно ожилъ. Какъ всѣ промысловые люди, онъ былъ суевѣренъ, а тутъ свалились несчитанныя деньги... Ужъ если будетъ счастье, такъ именно на такія несчитанныя деньги... Одно счастье, какъ извѣстно, не приходитъ. Дѣлать развѣдки одному — очень трудно, но какъ-то подошелъ Емелька и поселился въ балаганѣ дѣдушки Елизара. Старикъ былъ радъ, что теперь онъ не одинъ. Все же живой человѣкъ. Есть съ кѣмъ слово перемолвить. У Емельки наступила глухая охотничья пора. Приходилось ждать заморозковъ.

— Поживи пока у меня, а дома тебѣ дѣлать все равно нечего, — уговаривалъ его дѣдушка Елизаръ. — Я вотъ новое мѣстечко обыскиваю, а у тебя, можетъ, и рука легкая...

— У меня-то? Легче и не бываетъ...

Удивительный былъ человѣкъ этотъ Емелька. Совсѣмъ бы хорошій мужикъ, если бы не отбился отъ работы. У чужихъ еще будетъ работать, а для себя пальца не разогнетъ. Теперь онъ съ ранняго утра отправлялся съ дѣдушкой Елизаромъ въ поиски и работалъ цѣлые дни, какъ самый настоящій мужикъ. Они вдвоемъ выкопали въ день шурфовъ до десяти.

— Ахъ, Емельянъ, Емельянъ, какъ бы тебѣ жить-то надо!—удивлялся и жалѣлъ его дѣдушка Елизаръ.—Вѣдь, золотыя у тебя руки... Молодому впору съ твое-то работать.

— А не желаю...—упрямо отвѣчалъ Емелька.

О покосѣ Дорони Бородина старики не говорили ни одного слова. Емелька не хотѣлъ ничего говорить, когда другіе своего счастья не хотятъ понимать, а дѣдушка Елизаръ зналъ, что Ѳедоръ Николаичъ ѣздилъ туда на пробу и ничего не нашелъ.

— Не иначе, что платина подбилась къ самой Момынихѣ,—повторялъ дѣдушка Елизаръ.—Значитъ, тутъ ее и искать.

Шурфовка производилась очень простымъ способомъ. Выкапывались въ землѣ ямы въ формѣ могилы. Сначала подъ дерномъ попадался обыкновенно рѣчной хрящъ *), потомъ начиналась сѣрая глина, а подъ ней уже шелъ

*) Рѣчной хрящъ—галька.

песчаный слой, содержавшій въ себѣ платину. Пробу дѣлали въ большомъ желѣзномъ ковшѣ, при чемъ происходило то же, что при работѣ на вашгердѣ: крупная галька сбрасывалась, глина отмучивалась водой, на днѣ ковша оставался черный песочекъ, „шлихи“, въ которомъ и задерживались зерна платины. На такой ковшъ для хорошей пробы достаточно было двухъ долей драгоцѣннаго металла. Въ одномъ мѣстѣ, когда дѣдушка Елизаръ дѣлалъ пробу, получилось нѣсколько долей. У старика даже руки затряслись, и онъ выплеснулъ пробу въ воду. Сдѣлалъ онъ такъ не изъ боязни, что Емелька что-нибудь разболтаетъ раньше времени, а просто потому, чтобы не ославить мѣста. Даже про себя онъ старался не думать о своей находкѣ, точно она могла спрятаться въ землю отъ одной мысли.

Черезъ день дѣдушка Елизаръ сказалъ:

— Ну, Емельянъ, довольно намъ съ тобой шататься. Пора домой. И то мы зажились на пріискѣ до которой поры. Почитай, никого и не осталось изъ старателей.

Емелька не спорилъ и отправился домой вмѣстѣ съ дѣдушкой Елизаромъ. На пріискѣ оставалось работать артелей десять, которымъ, все равно, дѣваться было некуда. Богатые уѣхали пораньше, а бѣднота искала своего счастья до самыхъ заморозковъ, когда вода начинала застывать на вашгердахъ. Единственнымъ хозяиномъ всѣхъ промысловъ оставался Моховъ, потому что зимой работали только однѣ „хозяйскія работы“, т.-е. на машинѣ промывка шла небольшая, а вскрывали главнымъ образомъ шурфы, т.-е. снимали верхній слой пустой породы, прикрывавшій платину, содержавшій пластъ песковъ. Промысла точно засыпали

на всю зиму, чтобы проснуться съ новыми силами, когда заиграютъ полой водой горныя рѣчки и рѣчушки.

Дѣдушка Елизаръ, вернувшись домой, никому и ничего не сказалъ. Онъ объяснилъ коротко, что выбралъ новую дѣлянку подъ Момынихой.

— Ужо попробуемъ, что Богъ дастъ.

Въ Висимѣ уже знали, что онъ искалъ платину вмѣстѣ съ Емелькой, и по этому случаю не мало было пересудовъ, разговоровъ и шутокъ. Особенно потѣшались хохлы.

— Два старыхъ колдуна связались: какъ ужъ тутъ платинѣ не быть. Нашептали себѣ дѣлянку...

Дѣдушкѣ Елизару было не до этихъ разговоровъ. Его мучила неотступная мысль о найденной платинѣ. А если Господь богатство послалъ? Будетъ, натерпѣлись нужды достаточно, а вѣдь работали не хуже другихъ. По ночамъ старикъ долго не могъ заснуть и когда засыпалъ, то все дѣлалъ пробу на платину. Иногда онъ просыпался, садился на своей постели и долго не могъ прійти въ себя.

— Господи, помилуй! Что же это такое! Навожденіе...

Дѣлалось даже страшно. Это ужъ неспроста день и ночь все платина грезится. Какъ разъ „нечистый“ помутитъ... А тутъ еще вторая лошадь представляется. Дѣдушка Елизаръ видѣлъ ее, какъ живую:—гнѣдая, съ завѣсистой гривой, длинная, съ крѣпкими ногами. Эта ужъ послужитъ. Вотъ какъ работа пойдетъ, только успѣвай поворачиваться!

А дома, какъ на грѣхъ, дѣла шли скверно. Дарья, хоть и поправилась послѣ своей болѣзни, но все не могла войти въ настоящую бабью силу и бродила по дому, какъ отравленная муха. Потомъ приключилась бѣда съ подрост-

комъ Ефимомъ. Онъ поступилъ на фабрику поденщикомъ и работалъ подъ доменной печью. Тамъ ему брызнуло горячимъ чугуномъ на ногу, и нога разболѣлась. Пришлось и Ефиму сидѣть дома. Кормилицами семьи оставались всего двое—отецъ Кирюшки, Парфенъ, да зять Фролъ. Большимъ подспорьемъ являлось теперь жалованье Кирюшки. Два рубля — деньги, т.-е. цѣлыхъ пять пудовъ ржаной муки.

Смотришь, трое и прокормились. Вообще, дѣла были тѣсныя, и семья Ковальчуковъ еще никогда такъ не бѣдовала.

Дѣдушка Елизаръ разсказалъ о своей находкѣ подъ великимъ секретомъ только одному торговцу Макару Яковлевичу, у котораго забиралъ харчи.

— У васъ у всѣхъ богатая платина, когда въ долгъ берете,—не довѣрялъ добродушный Макаръ Яковличъ.— А какъ дѣло дойдетъ до разсчета, — платины какъ не бывало.

— Что ты, Макаръ Яковличъ! — обижался дѣдушка Елизаръ.—Не стану я зря болтать. Не тѣ мои года, да и не привыкъ я къ этому. Только бы вотъ до весны дотянуть. Увидишь самъ.

— Не увидимъ, такъ услышимъ. Что же, дай Богъ. Семья у тебя непьющая, работники растутъ. Какъ-нибудь справитесь.

— Все отъ Бога, Макаръ Яковличъ. Кому ужъ какое счастье Господь пошлетъ, такъ тому и быть.

Перваго числа каждаго мѣсяца дѣдушка Елизаръ отправлялся на Авроринскій за полученіемъ Кирюшкинаго жа-

лованья. Онъ ходилъ пѣшкомъ. На лошади работалъ Парфенъ, и ея нельзя было брать.

— Ну, какъ дѣла, старикъ?—спрашивала каждый разъ Евпраксія Никандровна, отсчитывая два рубля.

— Ничего, помаленьку, барыня. Перебиваемся... Вотъ только до весны дотянуть.

Спиридоновна уже безъ наказа знала, что должна накормить старика, и больше не ворчала. За нее обижался Моховъ. Онъ называлъ гостя дармоѣдомъ и глумился надъ нимъ.

— Не твое ѣмъ,—оправдывался дѣдушка Елизаръ.— Тебѣ-то какая печаль?

— Я терпѣть не могу дармоѣдовъ, которые себя своей работой оправдать не могутъ. Этакъ всѣ учнутъ объѣдать господъ...

— Не ты ли дармоѣдъ-то, ежели разобрать?

Моховъ придумалъ въ отместку штуку. Какъ-то пріѣхалъ въ воскресенье въ Висимъ и распустилъ въ кабакѣ слухъ, что Ковальчуки нашли богатую платину и скрываютъ ото всѣхъ. Слухъ былъ нелѣпый, поэтому, вѣроятно, за него всѣ и ухватились съ какой-то радостью. Дѣдушка Елизаръ даже испугался, когда его встрѣтилъ на улицѣ рыжій Бѣлохвостъ и крикнулъ:

— Здравствуй, тысячникъ!.,

— Какой тысячникъ? Что ты болтаешь, непутевая голова?..

— А такой... Нашелъ платину и молчишь. Всѣ, братъ, знаютъ...

Старикъ только развелъ руками. Неужели Макаръ Яковличъ разболталъ?

— Боишься, што дѣлянку рядомъ съ тобою возьму?— не унимался Бѣлохвостъ, размахивая руками.—Эхъ, не хорошо, дѣдушка!

— Кто говоритъ-то, что я платину нашелъ?

— А Моховъ сейчасъ въ кабакѣ разсказывалъ, какъ вы съ Емелькой нащептывали себѣ эту самую платину. Бѣсово, видно, дешево, колдуны проклятые...

Сначала дѣдушкѣ Елизару очень было обидно, что его секретъ открылся, а потомъ онъ успокоился—поболтаютъ и перестанутъ. Когда къ нему приставали гдѣ-нибудь на базарѣ, онъ только отшучивался.

— Обыскалъ, милые... Вѣрно. Такъ и лежитъ платина,—хоть голыми руками ее обирай.

— Возьми, дѣдушка, въ приказчики! — галдѣли молодые парни.

— И то возьму. Жалованье будешь получать четыре недѣли въ мѣсяцъ.

XI.

Наступила зима. Въ горахъ выпалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саженный снѣгъ. Лѣсъ стоялъ точно въ дорогой бѣлой шубѣ. Всѣ пріисковые постройки потонули въ снѣгу. Не видно было ни пріисковыхъ ямъ, ни отваловъ, ни прудковъ, ни канавъ, только продолжали работать около машины. Зима въ лѣсу была совсѣмъ не то, что въ селеньи, и Кирюшка удивлялся, откуда берется столько снѣга. Съ остальнымъ міромъ Авроринскій пріискъ соединялся одной узенькой дорожкой, по которой можно было проѣхать только гусемъ да и то не всегда. Все кругомъ точно замерло, похороненное подъ бѣлоснѣжнымъ саваномъ.

Въ пріисковой конторѣ тоже замерла всякая жизнь. Ѳедоръ Николаичъ все читалъ и страшно курилъ. Моховъ спалъ по цѣлымъ днямъ и просыпался только для ѣды. Минычъ цѣлые дни просиживалъ у желѣзной печи, которую накаливалъ до-красна. Онъ страшно любилъ тепло и спалъ подъ шубой, обливаясь потомъ.

— Ты у насъ, какъ комаръ, Минычъ, — шутилъ Моховъ.—Смотри, какъ разъ застынетъ комариное-то сало...

Только одинъ человѣкъ не боялся ни мороза, ни горной вьюги, ни погоды—это охотникъ Емелька. Онъ теперь безвыходно жилъ гдѣ-то въ горахъ, выслѣживая оленей, дикихъ козъ и лисицъ. Разъ онъ пришелъ на лыжахъ и притащилъ убитую молодую козу. Ему заплатили за нее цѣлыхъ два рубля. Евпраксія Никандровна долго любовалась убитымъ животнымъ и съ сожалѣніемъ проговорила:

— Какая она хорошенькая, эта козочка! Тебѣ ее не жаль было убивать, Емельянъ?

— Чего ее жалѣть-то? — удивился Емелька. — На то она коза...

Вмѣстѣ съ наступленіемъ зимы въ жизни Кирюшки произошло величайшее событіе: ему купили изъ дубленой овчины полушубокъ, новую мѣховую шапку и новые валенки. Такой роскоши онъ еще не видалъ. Рѣшительно все новое. Полушубокъ ему такъ понравился, что Кирюшка не желалъ его снимать даже въ комнатѣ, какъ его ни уговаривала „солдатка“.

— Вѣдь, жарко въ полушубкѣ?

— Ничего. Вѣдь онъ новый...

Раньше Кирюшка пользовался только обносками послѣ

большихъ мужиковъ и Ефима, а тутъ все впору, точно портной на заказъ шилъ. Покупать обновы ѣздилъ въ Висимъ „штегеръ“ Моховъ, и изъ этого потомъ вышла цѣлая исторія. Кухарка Спиридоновна осмотрѣла покупки съ особеннымъ вниманіемъ и только покачала головой.

— Какъ разъ на полштофъ обманулъ, змѣй,—рѣшила она.—Вотъ-то безсовѣстный человѣкъ...

„Солдатка“ считала Мохова самымъ глупымъ человѣкомъ на свѣтѣ, но была увѣрена, что онъ неспособенъ на обманъ. Обидѣлась уже Спиридоновна, навела справки въ Висимѣ, гдѣ и что покупалъ Моховъ, и доказала свою правоту. Евпраксію Никандровну очень обидѣло такое откровенное коварство Мохова, и она сказала ему:

— Я и не думала, что вы такой, Моховъ. Какъ вамъ не стыдно обманывать...

Моховъ, по глупости, не только не раскаялся, а еще нагрубилъ „солдаткѣ“ и пообѣщалъ переломать Спиридоновнѣ всѣ ребра.

— Нужно его убрать,—говорила мужу „солдатка“.— Онъ на все способенъ, хотя и глупъ. Въ одно прекрасное утро онъ насъ всѣхъ зарѣжетъ.

Ѳедоръ Николаевичъ на этотъ разъ не могъ согласиться съ женой и даже сталъ защищать Мохова.

— Фрося, всѣ они такіе. Возьмемъ другого штейгера,—тотъ будетъ еще хуже!

— Почему ты думаешь, что хуже?

— Да такъ. Промысловый народъ испорченный.

У Ѳедора Николаевича была слабость, — онъ терпѣть не могъ мѣнять людей. По его мнѣнію, всѣ люди оди-

наковы, а только не слѣдуетъ ихъ вводить въ соблазнъ. Однимъ словомъ, нужно было самимъ съѣздить въ Висимъ и купить все для Кирюшки.

— Тогда мы переплатили бы не двугривенный, а цѣлый рубль,—объяснялъ онъ женѣ. — Онъ, навѣрно, торговался до седьмого пота, а мы бы не сумѣли этого сдѣлать.

— Однимъ словомъ, мы должны благодарить Мохова, что онъ напился за нашъ счетъ? — возмущалась „солдатка". — Я ему, какъ хочешь, ни въ чемъ больше не вѣрю. Да, не вѣрю...

Если бы Моховъ зналъ, какія послѣдствія проистекутъ изъ его коварства, онъ купилъ бы все Кирюшкѣ на собственный счетъ, но Моховъ былъ счастливо глупъ и ничего не подозрѣвалъ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ обмундировки Кирюшки было то, что передъ Рождествомъ онъ попалъ въ Тагилъ. „Солдатка" не хотѣла ѣхать одна. Ѳедоръ Николаевичъ прихварывалъ, Мохова она терпѣть не могла, — оставалось взять Кирюшку.

— Все-таки мужчина, — объясняла она. — И ѣхать веселѣе, и въ Тагилѣ мнѣ поможетъ. Надо сдѣлать покупки къ праздникамъ, ѣздить по магазинамъ, — однимъ словомъ, мнѣ одной неудобно.

Кирюшка былъ счастливъ, какъ никогда. Тагилъ представлялся ему чѣмъ-то волшебнымъ и сказочнымъ. Моховъ разсказывалъ, что тамъ и церкви каменныя, и дома каменные, и лавки каменныя, а на базарѣ нѣтъ только птичьяго молока.

Отъ пріиска до Тагила было около сорока верстъ.

Двадцать верстъ до Черноисточинскаго завода, и двадцать— отъ него. Дорога все время шла горами и лѣсомъ. Попадались навстрѣчу углевозы съ коробьями угля и много транспортныхъ, перевозившихъ руду, чугунъ и желѣзо. Маленькая кошовка летѣла по зимней укатанной дорогѣ стрѣлой. Кирюшка сидѣлъ и молчалъ, подавленный ожиданіемъ чего-то необыкновеннаго. Черноисточинскій заводъ—попросту Черная, какъ называли его рабочіе, былъ значительно больше Висима. Кирюшку поразило, что здѣсь избы мыли снаружи, стирая съ бревенъ заводскую копоть. Бабы-черновлянки оказывались чистоплотнѣе висимскихъ хохлушекъ и тулянокъ.

Въ Тагилъ въѣзжали мимо громаднаго мѣднаго рудника. Кирюшку поразила особенно высокая желѣзная труба, изъ которой валилъ густой дымъ. Въ самомъ селеньи, раскинувшемся по берегамъ заводскаго пруда и рѣки Тагила, обыкновенно избы стояли только на окраинѣ, а въ срединѣ были все дома съ желѣзными крышами, съ расписными ставнями и крашеными воротами.

— Тутъ все богатые мужики живутъ? — спрашивалъ Кирюшка, удивляясь тагильскому великолѣпію.

— Есть и богатые, и бѣдные,—объясняла „солдатка", которую забавляло удивленіе маленькаго пріисковаго дикаря.

Изумленіе Кирюшки достигло своей высшей степени, когда кошовка начала отъ фабрики подниматься въ гору, на которой передъ зданіемъ главной заводской конторы стоялъ памятникъ одному изъ владѣльцевъ Демидовыхъ. Тутъ же и каменная церковь, а дальше — улица, гдѣ сплошь стояли каменные дома съ магазинами въ нижнихъ

этажахъ. Кошовка выѣхала на громадный базаръ, уставленный цѣлыми рядами деревянныхъ лавокъ, а потомъ свернула куда-то въ улицу направо и остановилась у воротъ каменнаго дома. Пріисковыя лошади, повидимому, знали этотъ домъ и сами повернули къ нему,

На верху гостей встрѣтилъ бѣлокурый господинъ въ простой кумачной рубашкѣ и суконной поддевкѣ. Это былъ старый знакомый Евпраксіи Никандровны, пріѣзжавшій на Авроринскій раза два. Его звали Александромъ Алексѣичемъ. Говорилъ онъ спокойно, никогда не горячился, и Кирюшка былъ радъ, что встрѣтился знакомый человѣкъ. Онъ начиналъ какъ-то трусить и чувствовалъ себя такимъ маленькимъ-маленькимъ и беззащитнымъ, какъ цыпленокъ.

— Вотъ хорошо, что вы пріѣхали, — говорилъ Александръ Алексѣичъ.. — У меня, какъ разъ, есть дѣло до васъ. Можетъ быть, и мнѣ придется къ вамъ на Авроринскій.

— Что же, мы будемъ рады. Веселѣе будетъ жить вмѣстѣ.

Когда они пили чай, пришелъ еще господинъ, тоже въ поддевкѣ, съ темной козлиной бородкой, высокимъ лбомъ и громадными, темными глазами. Звали его Сергѣемъ Александрычемъ. Это былъ очень веселый баринъ, который всѣхъ смѣшилъ.

— А это что за мужичище съ вами? — спрашивалъ онъ про Кирюшку.

— Онъ живетъ у насъ, — объяснила „солдатка“. — Будущій старатель. Я его учу грамотѣ. Мальчуганъ смышленый...

— Испортите вы его, Евпраксія Никандровна. Отстанетъ онъ отъ своихъ мужиковъ и сдѣлается какимъ-нибудь писаремъ.

Послѣ чая „солдатка“ отправилась дѣлать покупки къ празднику. Ее сопровождалъ Кирюшка. Она долго ходила изъ магазина въ магазинъ. Кирюшкѣ, казалось, что здѣсь собраны были сокровища всего міра. У мальчика просто разбѣгались глаза при видѣ разнаго галантерейнаго товара. Кирюшку больше всего занималъ вопросъ, кто будетъ покупать всѣ эти чудеса? Гдѣ эти безумно богатые люди? Ну, ситцы и разную посуду еще раскупятъ, у кого идетъ богатая платина, а куда дѣвать остальное? Кирюшка какъ ни прикидывалъ въ умѣ на разные лады, но ничего не выходило. Для него дѣлалось яснымъ только одно, именно, что есть люди богаче, чѣмъ висимскіе Канусики, Шкарабуры, Ермоленки, даже богаче, чѣмъ Ѳедоръ Николаичъ. Его маленькое сердце невольно сжалось при мысли о своей висимской бѣдности, о томъ, какъ мать разсчитывала каждый кусокъ ржаного хлѣба, дѣдушка Елизаръ забиралъ у Макара Яковлича харчи въ долгъ и т. д.

— Ну, что, тебѣ нравится Тагилъ?—спрашивала „солдатка“.

— Очень ужъ по-богатому живутъ здѣсь...—отвѣтилъ Кирюшка.

Подъ конецъ ему сдѣлалось даже грустно и захотѣлось къ себѣ на пріискъ.

Они переночевали въ Тагилѣ, а утромъ на другой день уѣхали домой. Александръ Алексѣичъ подарилъ Кирюшкѣ книжку съ картинками, бумаги и карандашъ. Кирюшка

всю дорогу держалъ въ рукахъ эти сокровища, точно они могли улетѣть отъ него.

Эта первая поѣздка произвела на мальчика глубокое впечатлѣніе. Какъ же живутъ люди въ городахъ, какъ Екатеринбургъ? Было страшно даже подумать... Моховъ говорилъ, что въ городѣ такъ хорошо, какъ въ раю. Дома всѣ каменные и всѣ богатые. Онъ все вспоминалъ городскіе калачи, и какъ ѣлъ пельмени въ обжорномъ ряду.

— Погоди, вотъ выучишься грамотѣ, Кирюшка, тогда все узнаешь,—говорилъ Минычъ.—И какіе города на свѣтѣ есть, и какъ живутъ добрые люди. Въ книгахъ, братъ, все написано.

Кирюшка рѣшилъ, что прочитаетъ всѣ книги, какъ Ѳедоръ Николаичъ, и все узнаетъ.

На святкахъ пріѣхали въ гости Александръ Алексѣичъ и Сергѣй Александрычъ. Было очень весело. Ѳедоръ Николаичъ угощалъ всѣхъ водкой, а Моховъ прибавилъ еще на свои. Вечеромъ Сергѣй Александрычъ плясалъ въ присядку со Спиридоновной, а Моховъ игралъ на балалайкѣ. Даже разошелся Минычъ и пустился въ плясъ. Потомъ поѣхали въ двухъ кошовкахъ въ Висимъ. Кирюшка выпросился, чтобы и его взяли. Ему хотѣлось побывать дома, чтобы показать свои обновы, и, главное, разсказать о своей поѣздкѣ въ Тагилъ.

Дома все было по-старому, и Кирюшкѣ показалось еще бѣднѣе, чѣмъ раньше. Онъ теперь только замѣтилъ вопіющую домашнюю нужду. И праздника нечѣмъ было справить по-настоящему, когда нѣтъ денегъ. Такъ все будни. Дѣдушка Елизаръ ходилъ хмурый и мало разговаривалъ. Мать была такая блѣдная.

— Плохо мы живемъ,—объяснила она Кирюшкѣ, какъ большому.—Къ празднику купили пять фунтовъ свинины,—вотъ и все. Какъ ужъ только дотянемъ до весны. Ефимъ вонъ все боленъ.

Висимъ теперь показался Кирюшкѣ такимъ маленькимъ. Какой это заводъ,—просто деревня. Раньше онъ не замѣчалъ, что въ Висимѣ съ каждаго мѣста виденъ лѣсъ. Вышелъ за огороды, и сейчасъ тебѣ лѣсъ. Въ Тагилѣ этого не было. Теперь все Кирюшка мѣрилъ про себя этимъ Тагиломъ.

Обновы Кирюшки совсѣмъ не произвели того впечатленія, на которые онъ разсчитывалъ. Бабы разобрали, правда, все по ниточкѣ и обругали Мохова, который, по ихъ разсчетамъ, прикарманилъ не на одинъ полуштофъ, а по крайней мѣрѣ на два. Мужики отнеслись совершенно равнодушно, и только одинъ дѣдушка Елизаръ замѣтилъ:

— Баловство это... Глазъ нѣтъ у господскихъ денегъ, вотъ и швыряютъ ихъ. И такъ бы походилъ.

XII.

Наступила, наконецъ, весна. Дѣдушка Елизаръ выѣхалъ на промыслы съ какимъ-то страхомъ. Что-то будетъ... Дня три устраивали новую землянку подъ самой Момынихой, а потомъ уже приступили къ настоящей работѣ. Дарья все еще не могла поправиться и едва держалась отъ слабости на ногахъ; у Ефима продолжали болѣть ноги, и онъ не могъ работать въ забоѣ, а вмѣсто Кирюшки отвозилъ только пески на таратайкѣ къ Мартьяну. Теперь возить

песокъ было значительно дальше, чѣмъ раньше. Первая же промывка дала столько платины, сколько раньше добывали въ недѣлю. Дѣдушка дрожащими онъ волненія руками собралъ ее въ кружку и перекрестился. Да это было настоящее богатство!.. У старика кружилась голова и слезы сжимали горло. Парфенъ и зять Фролъ видѣли эту богатую платину, но молчали, потому что молчалъ дѣдушка Елизаръ. За то шептались и ахали бабы, такъ что старикъ даже прикрикнулъ на нихъ:

— Вы-то чему обрадовались, козы брынскія?

Чѣмъ лучше шла платина, тѣмъ дѣдушка Елизаръ дѣлался мрачнѣе. Особенно онъ не любилъ, когда приходилъ кто-нибудь изъ старателей на дѣлянку. Чаще другихъ завертывалъ рыжій Архипъ Бѣлохвостъ. Придетъ, разсядется и балагуритъ съ бабами.

— Шелъ бы ты, Архипъ, къ себѣ на дѣлянку,—ворчалъ дѣдушка Елизаръ. — Куда дѣло лучше будетъ... Работа-то не ждетъ.

— Работа—не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ. Больно мнѣ охота на твою богатую платину поглядѣть...

— Отойди, грѣхъ.

Въ субботу дѣдушка Елизаръ пришелъ сдавать платину въ контору позже всѣхъ, когда другіе старатели разошлись и разъѣхались. Оставалось всего человѣкъ пять. Когда Моховъ распечаталъ желѣзную кружку, то такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ.

— Да ты сбѣсился, старикъ? — обругался Моховъ.— Тутъ рублей на сорокъ будетъ... Это въ три-то дня!.. Ну, и колдунъ же ты.

Ѳедоръ Николаичъ, напротивъ, былъ радъ и съ удовольствіемъ отсчиталъ дѣдушкѣ Елизару тридцать восемь рублей съ копейками. Подошла Евпраксія Никандровна и поздравила старика съ богатой платиной.

— Охъ, не надо бы такія-то слова говорить, сударыня,— точно испугался дѣдушка Елизаръ.—Такъ, немножко помаиило для первоначалу. Куда намъ богатую платину... Съ твоей легкой руки оправдали немножко первую недѣлю.

— Не заговаривай зубовъ, колдунъ,—ворчалъ Моховъ.— Нашептали тогда съ Емелькой,—вотъ платина и объявилась. Этакъ-то и всякій найдетъ, ежели съ колдовствомъ...

Молва о найденной Ковальчуками богатой платинѣ точно забѣжала впередъ. Когда дѣдушка Елизаръ пріѣхалъ вечеромъ домой, всѣ старатели уже знали эту новость. Рыжій Бѣлохвостъ приходилъ уже два раза узнать отъ самого старика, сколько онъ получилъ изъ конторы денегъ. Пока Ковальчуки ѣхали съ пріиска домой, полученная дѣдушкой Елизаромъ сумма выросла въ сто двадцать рублей. Объ этомъ говорили главнымъ образомъ въ кабакѣ, гдѣ Бѣлохвостъ съ горя выпилъ цѣлый полуштофъ водки.

— Ей Богу, я хотѣлъ взять эту дѣлянку! — клялся онъ.—Вотъ, думаю, вразъ ударю послѣ Тройцы... Вотъ, сейчасъ съ мѣста не сойти. А старикъ и пронюхалъ... Прямо мою платину будетъ загребать.

Совсѣмъ пьяный Бѣлохвостъ заходилъ къ Ковальчукамъ въ третій разъ поздно вечеромъ, но бабушка Парасковья его прогнала безъ всякой церемоніи.

— Что ты шляешься-то, полунощникъ? Старикъ спитъ послѣ бани. Ступай-ка домой, жена тебя вотъ какъ ждетъ.

— А ты не гордись, старая,—ворчалъ Бѣлохвостъ.— Не успѣли еще разбогатѣть на моей платинѣ, а ужъ въ три шеи гонишь. Погоди еще, придешь и въ ножки Бѣлохвосту поклонишься.

— Ступай, ступай!..

Утромъ въ воскресенье, какъ всегда, дѣдушка Елизаръ отправлялся въ церковь. Всѣ теперь смотрѣли на него и перешептывались. Нелѣпая болтовня Бѣлохвоста произвела свое дѣйствіе.—Ловко Ковальчуки подцѣпили чужую платину... Лучше не надо. Старикъ-то вонъ молится и свѣчку въ двугривенный купилъ.

— Это онъ за Бѣлохвоста свѣчу-то ставитъ,—шептались бабы.

На базарѣ дѣдушку Елизара обступила уже цѣлая толпа. Старикъ, наконецъ, разсердился.

— Триста рублей въ три дня заробилъ! — кричали мальчишки.

Отъ назойливаго любопытства толпы дѣдушка Елизаръ едва спасся въ лавкѣ Макара Яковлича, разогнавшаго толпу.

— Что же, я могу и подождать, — заявлялъ Макаръ Яковличъ, когда старикъ выложилъ ему сразу весь долгъ.— Всего-то восемнадцать рублей. Не великъ счетъ...

— Нѣтъ, ужъ получи, —настаивалъ дѣдушка Елизаръ,— Впередъ ничего неизвѣстно. Спасибо, вотъ зимой выручалъ. Напредки не оставь...

Кромѣ самыхъ необходимыхъ харчей, старикъ на базарѣ ничего не купилъ, оставивъ часть денегъ про черный день. Можетъ быть, на слѣдующую недѣлю и никакой пла-

тины не будетъ,—и такъ случается. На такую скупость бабушка Прасковья сильно ворчала, но старикъ уперся и ничего не далъ.

Въ слѣдующую недѣлю Ковальчуки заработали около ста рублей. Такихъ денегъ семья еще не видала. Дѣдушка Елизаръ никакъ не могъ разсчитать, что ему дѣлать съ деньгами,—слишкомъ ужъ много всякой нужды. И то, и другое, и третье, — всего не купишь. Надо бы вотъ и крышу на избѣ поправить, и изъ одежи купить кое-что, а главное—купить вторую лошадь. Съ послѣднимъ опять бѣда. Денегъ на лошадь хватило, такъ некому ѣздить. Дарья совсѣмъ слегла, значитъ оставшіяся двѣ бабы могли работать только у одного вашгерда. Потомъ Ефимъ обезножилъ совсѣмъ. Когда больше всего нужны были рабочія руки, ихъ и недоставало.

— Возьми Кирюшку,—совѣтовала бабушка.—Будетъ ему лодырничать въ конторѣ-то.

Дѣдушка Елизаръ и самъ подумывалъ объ этомъ, но зачѣмъ парня трогать съ мѣста? Что еще впереди, — неизвѣстно, а онъ сытъ, одѣтъ, да еще грамотѣ учится. Потомъ неловко было обижать „солдатку", которая всегда была такая добрая. Какъ-нибудь своими силами надо обернуться. Между прочимъ, еще съ весны старикъ захватилъ рядомъ двѣ дѣлянки, одну на старшаго сына Парѳена, другую — на зятя Фрола. Когда пошла богатая платина, всѣ старатели кинулись брать дѣлянки подъ Момынихой, и каждый старался захватить мѣстечко поближе къ Ковальчукамъ. Дѣдушка Елизаръ спохватился, что напрасно тогда и не взялъ дѣлянокъ на Ефима и Кирюшку,—хотя и не настоя-

щіе мужики, а все равно работаютъ на пріискѣ же. Онъ пошелъ къ Ѳедору Николаичу хлопотать.

— У тебя вѣдь три дѣлянки?—спрашивалъ Ѳедоръ Николаичъ.—Платина идетъ отлично? Ну, и будь доволенъ... Надо и другимъ попользоваться.

— Оно бы того, баринъ, какъ-то аккуратнѣе...—мялся старикъ.—Оно, конешно, и другимъ надо, а платину-то все-таки я обыскалъ. Другіе-то ужъ на готовое лѣзутъ...

— Не могу старикъ!—уперся Ѳедоръ Николаичъ и даже разсердился.—Вотъ вы всегда такъ: то нѣтъ ничего, а то все мало...

Дѣдушка Елизаръ ушелъ изъ конторы ни съ чѣмъ. Онъ обозлился на упрямаго смотрителя. И что ему стало жаль другихъ? Небось, ихъ, Ковальчуковъ, никто не жалѣлъ. Однимъ словомъ, ничего не поймешь, что и къ чему.

Дѣлянки были расхватаны подъ Момынихой живо, и самая плохая досталась Бѣлохвосту. Онъ какъ-то умѣлъ вездѣ опаздывать, и теперь обвинялъ во всемъ Ковальчуковъ.

— Раньше отъ Канусика терпѣлъ, а теперь Ковальчуки донимаютъ,—увѣрялъ всѣхъ Бѣлохвостъ, и самъ начиналъ вѣрить собственнымъ словамъ, какъ всѣ увлекающіеся люди.—Не пойдетъ вамъ въ прокъ моя платина...

Въ теченіе перваго мѣсяца Ковальчуки заработали около трехсотъ рублей, почти цѣлое состояніе. Дѣдушка Елизаръ попрежнему стерегъ каждый грошъ и никому не давалъ воли. Особенно негодовали на него бабы. Бабушка Парасковья пробовала стороной замолвить словечко въ пользу дочерей и снохи, но изъ этого ничего не выходило.

— И ни-ни! И думать пусть позабудутъ,—сердился дѣдушка Елизаръ, какъ никогда.—Я обыскалъ платину,—значитъ, все мое. Бабы подождутъ... Вотъ надо лошадь покупать, одежонку,—мало ли чего наберется.

Всѣ три дѣлянки соединены были въ одну, и работа велась сообща, какъ было раньше. Всѣмъ завѣдывалъ дѣдушка, и никто изъ мужиковъ не смѣлъ ему перечить. Ужъ дѣдушка знаетъ, что дѣлать, и сохранитъ каждую копеечку. Всѣхъ мучилъ вопросъ о второй лошади,—надо ее покупать, а купить,—надо чужого человѣка въ домъ брать. Все работали одни, своей семьей, а тутъ вдругъ нанимать.

— Подождемъ,—рѣшилъ дѣдушка Елизаръ,—Надо за лошадь-то двадцать рубликовъ отвалить да таратайку, да сбруишку, да разную пріисковую снасть. Глядишь, на всѣ пятьдесятъ цѣлковыхъ не обернешься. Нѣтъ, надо погодить.. Лошадь не уйдетъ. Тоже всякія и лошади бываютъ: купи другую, и самъ не радъ будешь.

XIII.

Въ конторѣ, конечно, заработки Ковальчуковъ были извѣстны съ точностью. Кирюшка уже разбиралъ не только печатное, но и по писанному, и самъ могъ по пріисковымъ книгамъ провѣрить, сколько получилъ дѣдушка Елизаръ въ какую недѣлю. Объ этомъ иногда Кирюшку спрашивала мать, едва бродившая около своей землянки. Работать она не могла и страшно кашляла.

— Всѣ намъ завидуютъ,—жаловалась она сыну.—А

мы отъ старика не видали еще ничего. На гривенникъ никому ничего не купилъ. Вцѣпился въ деньги, какъ коршунъ, и всѣхъ заморилъ на работѣ. Жадный-прежадный сталъ...

Разъ Дарья долго смотрѣла на Кирюшку, потомъ обняла его высохшими руками и проговорила:

— Къ осени я помру, Кирюшка...

Кирюшка молчалъ.

— Да, помру, — спокойно проговорила Дарья. — Ты останешься большакомъ въ семьѣ... да... Отецъ, можетъ, женится, такъ ты, Кирюшка, не давай въ обиду мачехѣ брата. Маленькій онъ совсѣмъ останется...

Дарья заплакала и долго гладила Кирюшку по головѣ.

— Я скажу „солдаткѣ", она тебя вылѣчитъ, — проговорилъ Кирюшка, не зная, чѣмъ утѣшить мать. — У нея всякія лѣкарства есть...

— Отъ смерти не вылѣчишь... Божья воля...

Кирюшка былъ увѣренъ, что отъ каждой болѣзни у „солдатки" есть свое лѣкарство. Онъ самъ видѣлъ, какъ „солдатка" покупала лѣкарства въ Тагилѣ, — и въ бутылочкахъ, и въ бумажкахъ, и въ коробочкахъ.

Когда Кирюшка разсказалъ Евпраксіи Никандровнѣ про мать, она сама отправилась провѣдать ее и только покачала головой. У Дарьи, по всѣмъ признакамъ, была чахотка.

— Тебѣ надо ѣхать домой, — совѣтовала „солдатка". — Въ землянкѣ сыро, какъ въ погребѣ.

— И то сыро... Всю ночь кашляю. А только старикъ не пуститъ...

Дѣдушка Елизаръ, дѣйствительно, наотрѣзъ отказался отпустить Дарью домой. А кто же будетъ варево варить?

— Умретъ она здѣсь, — говорила Евпраксія Никандровна.

— Божья воля. Всѣ помремъ...

— Какъ тебѣ не жаль, старикъ? Вѣдь, сейчасъ и деньги у тебя есть, можете нанять какую-нибудь женщину...

— Какія деньги, сударыня? А Дарью не пущу...

„Солдатка" разсердилась на упрямаго старика, который нисколько не жалѣлъ снохи. Раньше еще это было бы понятно, когда вся семья бѣдствовала, а теперь совсѣмъ другое. Вообще, на промыслахъ нисколько не жалѣютъ бабъ. Вотъ лошадь будутъ беречь, потому что за нее деньги плачены, а баба умерла, — возьмутъ другую.

— Я, кажется, возненавижу этого противнаго старика, — жаловалась „солдатка" мужу. — Раньше мнѣ было его жаль, а теперь... Неужели и Кирюшка будетъ такой же безсердечный?

— Все зависитъ отъ необразованія, — спокойно объяснялъ Ѳедоръ Николаичъ. — Ничего не подѣлаешь, если люди не понимаютъ собственной своей пользы. Вѣдь простой разсчетъ, чтобы всѣ въ семьѣ были здоровы, а они заставляютъ женщинъ работать выше силъ, какъ не сдѣлаютъ съ лошадью. Все отъ необразованія...

Кирюшка слушалъ эти разговоры и только удивлялся господской добротѣ. Всѣхъ-то имъ жаль. Мальчикъ въ первый разъ въ жизни усомнился въ правотѣ дѣдушки Елизара, каждому слову котораго до сихъ поръ привыкъ вѣрить безпрекословно. Ему было все больше и больше

жаль матери, которая чахла у всѣхъ на глазахъ. Вотъ и богатую платину нашли, а она будетъ чахнуть.

Разъ утромъ Кирюшку разбудила Спиридоновна.

— Ступай смотрѣть новокупку. Дѣдушка Елизаръ лошадь привелъ показывать. Охота похвастаться...

Дѣйствительно, передъ конторой стоялъ дѣдушка Елизаръ и держалъ въ поводу купленную только вчера гнѣдую лошадь, о какой старикъ мечталъ лѣтъ пятнадцать. Кругомъ новокупки ходили въ качествѣ спеціалистовъ Минычъ и Моховъ и разбирали ее по косточкамъ. Особенно усердствовалъ Моховъ. Онъ совалъ несчастной лошади кулакомъ въ бокъ, задиралъ хвостъ, дулъ въ ноздри и въ заключеніе пролѣзъ на четвереньках подъ брюхомъ.

— Ничего, правильная лошадь,—одобрялъ Минычъ.— Крѣпенькая на ногахъ. Эта вывезетъ.

— Хороша-то хороша, а несовсѣмъ, — говорилъ Моховъ. — Глазъ у нея круглый, значитъ, съ норовомъ, а потомъ копыта слабоваты...

Кирюшка еще не видалъ дѣдушку такимъ счастливымъ. Мальчикъ и самъ обрадовался лошади, какъ празднику. Сколько о ней было разговоровъ въ семьѣ, и вотъ теперь она стоитъ живая и совсѣмъ совсѣмъ такая, какой представлялъ себѣ ее Кирюшка.

— Ну-ка, садись верхомъ, Кирюшка, — командовалъ дѣдушка.—Попробуй коня... Да смотри, грѣшнымъ дѣломъ, не сверзись.

Кирюшка проѣхалъ верхомъ и пришелъ въ окончательный восторгъ. Какое сравненіе съ чалкой, которая трясла и не умѣла бѣгать! Собака Мохова, которую онъ называлъ

Крымзой, тоже принимала самое живое участіе въ этой сценѣ и съ громкимъ лаемъ скакала передъ лошадью, напрасно стараясь ее остановить.

— Да, добрая лошадка,—повторялъ Минычъ, набивая носъ табакомъ.—Хоть въ Москву на ней поѣзжай.

— Что же, старикъ, надо ее будетъ вспрыснуть,—говорилъ Моховъ,—Дѣло-то крѣпче будетъ...

— Какіе тутъ вспрыски...—замялся дѣдушка Елизаръ.

— Ну, ну, нечего жаться. Платину лопатой огребаешь, лошадь купилъ, а на полштофъ жаль.

— Да гдѣ я ее возьму, эту самую водку тебѣ? И рань такая...

— Ничего, я сгоняю вотъ на новокупкѣ къ Захарову. Только давай деньги...

Къ удивленію Кирюшки, дѣдушка досталъ изъ-за пазухи кисетъ съ деньгами и отсчиталъ Мохову цѣлый двугривенный мѣдяками. Моховъ лихо вскочилъ на новокупку и поскакалъ по дорогѣ въ гору. Дѣдушка Елизаръ проводилъ его глазами до лѣса и все время улыбался счастливой улыбкой, точно онъ видѣлъ счастливый сонъ.

— А пока мы чайку попьемъ, дѣдушка,—предложилъ Минычъ.—Да закажемъ на радостяхъ Спиридоновнѣ закуску. Она намъ такую яичницу сварганитъ... Нельзя, законъ требуетъ порядку. А къ тому времени и Моховъ воротится...

Спиридоновна даже не ворчала, какъ обыкновенно. Она тоже раздѣляла общую радость.

Моховъ, дѣйствительно, скоро вернулся и привезъ бутылку водки. Яичница была готова. Когда усѣлись за столъ,

и дѣдушка Елизаръ налилъ первую рюмку, въ окнѣ показалось лицо Емельки.

— Да не колдунъ ли!—ахнулъ Моховъ.—Я только подумалъ о немъ, а онъ тутъ-какъ-тутъ. Ну, и человѣкъ.

Емелька былъ блѣденъ и тяжело дышалъ. У него вообще былъ такой больной видъ.

— Ну, ну, иди,—приглашалъ дѣдушка Елизаръ.—Гость будешь.

— Гдѣ ты пропадалъ-то, Емелька?—спрашивалъ Моховъ.

— А боленъ былъ... Съ мѣсяцъ вылежалъ въ балаганѣ подъ Осиновой горой. Болѣсть ухватила...

— Какъ же ты тамъ съ голоду не померъ?

— А меня дьячокъ Матвѣичъ пропитывалъ... Приходилъ по два раза въ недѣлю и приносилъ разный харчъ. Разнемогался я съ самой весны... Ну, думаю, расхожусь въ лѣсу-то, а тутъ меня въ горахъ-то и свалило. Ни рукой, ни ногой, лежу, какъ дерево...

Новокупка была вспрыснута. Поднесена была рюмочка даже Спиридоновнѣ. Минычъ началъ уже мигать и блаженно улыбался. Нарушалъ праздничное настроеніе одинъ Емелька, на котораго и водка не дѣйствовала оживляющимъ образомъ.

— Ежели бы теперь другую бутылочку...—приговаривался Моховъ.

—Нѣтъ, нѣтъ!—испугался дѣдушка Елизаръ, поднимаясь.—Будетъ... И то стравилъ вамъ цѣлый двугривенный. Легко сказать...

Когда старикъ вышелъ показать Емелькѣ свою ново-

купку, охотникъ осмотрѣлъ ее добросовѣстно и похвалилъ, а потомъ отвелъ дѣдушку Елизара въ сторону и проговорилъ:

— У тебя, сказываютъ, богатая платина идетъ?

— Врутъ, все врутъ,—отпирался дѣдушка Елизаръ.

— Перестань врать... Знаю все... Такъ вотъ што... значитъ, одолжи мнѣ двугривенный. Какъ-нибудь справлюсь, тогда отдамъ.

— Што ты, што ты!... Да ты въ умѣ ли?

Дѣдушка Елизаръ даже замахалъ руками, а потомъ разсердился...

— Тоже, нашли богача... Сейчасъ только стравилъ цѣлый двугривенный, да тебѣ дай двугривенный.

— Да вѣдь мѣсто-то мы вмѣстѣ съ тобою обыскивали? Цѣльныхъ двѣ недѣли я на тебя работалъ.

— А за што я цѣльныхъ-то двѣ недѣли кормилъ тебя?

Охотникъ Емелька молча повернулся, плюнулъ и зашагалъ подъ гору разбитой походкой, точно его несло вѣтромъ.

Кирюшка слышалъ весь этотъ разговоръ, и ему сдѣлалось вдругъ грустно. Вѣдь, дѣдушка могъ дать двугривенный Емелькѣ, и не далъ. Это его скупость разбираетъ, какъ жаловалась мать. Кирюшкѣ сдѣлалось какъ-то особенно жаль больную мать. Вотъ и новая лошадь, и богатая платина, а кому отъ этого лучше? И Емельку дѣдушка тоже напрасно обидѣлъ. Происходило что-то нехорошее и несправедливое, и дѣтское сердце Кирюшки больно сжалось.

XIV.

На Авроринскій переѣхалъ изъ Тагила бѣлокурый Александръ Алексѣичъ, у котораго книгъ было еще больше, чѣмъ у Ѳедора Николаича. Господа жили между собой очень дружно, много читали и часто спорили. Александръ Алексѣевичъ занимался съ Кирюшкой ариѳметикой и охотно объяснялъ все, что тотъ спрашивалъ: далеко ли солнце? Какъ дѣлаютъ часы? Куда идетъ платина? Отчего чортъ боится пѣтуха? Гдѣ конецъ свѣта? Куда бѣжитъ вода? Отчего болятъ зубы? Нѣкоторые вопросы пріисковаго маленькаго дикаря заставляли Александра Алексѣича смѣяться, а онъ такъ смѣялся, какъ только смѣются очень добрые люди.

— Тебѣ хочется быть богатымъ, Кирющка?—спрашивалъ Александръ Алексѣичъ, дѣлая папиросу.

— А то какъ же? Всякому охота...

— А вотъ мнѣ такъ нисколько не хочется.

Кирюшка не вѣрилъ. Висимскіе мужики, а особенно старатели—только и мечтали, что о богатствѣ. Кирюшкѣ казалось, что баринъ надъ нимъ смѣется, какъ надъ маленькимъ.

— Нѣтъ, я серьезно говорю,—объяснялъ Александръ Алексѣичъ.—Если ты будешь богатый, такъ не надѣнешь на себя три шубы или не съѣшь три обѣда за-разъ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, для чего же тебѣ богатство?

— Жить веселѣе... Бросилъ бы работу, завелъ гармонію, сапоги со скрипомъ, пару лошадей,—мало ли што.

— А потомъ все это тебѣ надоѣстъ.

Но всего веселѣе было, когда на Авроринскій пріѣзжалъ къ воскресенью Сергѣй Александрычъ. Онъ точно привозилъ съ собой веселье, и всѣ начинали улыбаться. По вечерамъ у конторы устраивали хороводъ, и Сергѣй Александрычъ угощалъ всѣхъ пряниками и орѣхами, безъ которыхъ не выѣзжалъ изъ Тагила. По всему пріиску неслись веселыя хороводныя пѣсни, а Сергѣй Александрычъ выходилъ въ средину круга и отплясывалъ русскую. Его всѣ любили на пріискѣ и называли „веселымъ бариномъ".

— Ужъ Сергѣй Александрычъ всякаго уважитъ! У него что ни слово, то прибаутка...

Къ осени Сергѣй Александрычъ переѣхалъ въ Висимъ,—онъ служилъ въ заводской конторѣ, и еще чаще сталъ бывать на Авроринскомъ. Не любилъ его одинъ Моховъ, котораго Сергѣй Александрычъ такъ смѣшно передразнивалъ.

— Самый пустяшный человѣкъ,—говорилъ о немъ Моховъ.—Развѣ полагается барину плясать въ хороводѣ? Я вотъ штегеръ, а и то ни въ жисть не пойду, потому какъ это мнѣ низко. Пусть мужики пляшутъ...

Подъ Момынихой дѣла шли бойко, и лучше всѣхъ—у Ковальчуковъ. Платина точно лѣзла изъ земли сама. Работало артелей двѣнадцать. Посчастливилось и Бѣлохвосту. У него тоже шла хорошая платина. Это его примирило съ Ковальчуками Бѣда была только въ томъ, что самъ Бѣлохвостъ любилъ выпить и выѣзжалъ на работу только во вторникъ, потому что въ понедѣльникъ опохмѣлялся. На тяжелой пріисковой работѣ пили много вообще, потому что

и работа тяжелая, да и работать часто приходилось мокрымъ до нитки или по колѣна въ студеной ключевой водѣ.

— Ахъ, Архипъ, Архипъ, не хорошо!—усовѣщивалъ его дѣдушка Елизаръ, не выносившій пьяницъ.—Пропьешь все и опять ни съ чѣмъ останешься...

— Дѣдушка Елизаръ, дай обрадоваться!—бормоталъ Бѣлохвостъ.—Раньше другіе радовались, а теперь нашъ чередъ.

Въ іюлѣ Бѣлохвостъ купилъ лошадь и новую шубу и пріѣзжалъ на пріискъ, несмотря ни на какую жару, въ шубѣ. Другіе старатели, заработавъ двѣсти-триста рублей, тоже дичали и начинали пьянствовать. Бабы накупили ситцевъ, кумачныхъ платковъ и тоже сорили деньгами. Сказывалась непривычка имѣть деньги въ рукахъ, какъ и вообще на всѣхъ промыслахъ.

— Баловство одно,—ворчалъ дѣдушка Елизаръ, державшій всю семью въ ежевыхъ рукавицахъ.—Деньги-то тоже къ рукамъ...

Старшій сынъ Парѳенъ былъ весь въ отца, такой же строгій и крѣпкій мужикъ, а зять Фролъ оказался слабѣе и раза два приходилъ отъ Бѣлохвостова на-веселѣ. Его жена, Марія, страшно боялась, какъ бы не узналъ старикъ, и прятала мужа.

Къ осени у дѣдушки Елизара скопилось на рукахъ рублей шестьсотъ, т.-е. цѣлое состояніе. Да еще разсчитывалъ онъ до зимы заработать рублей двѣсти. На такія деньги можно было въ Висимѣ устроиться хорошо. Первымъ дѣломъ старикъ замышлялъ пристроить избу къ старой,

чтобы отдѣлить зятя, а Парѳенъ пусть поживетъ пока въ задней. Потомъ надо поправить службу, купить корову, вообще — поднять все мужицкое хозяйство. Семья была большая,—по сапогамъ купить, такъ и то разоришься. А тутъ еще Ефимъ подросталъ, того и гляди,—женить придется, значитъ, опять рублей полтораста изъ кармана у старика. У старика все было разсчитано изъ копѣечки въ копѣечку. Какъ-то не шелъ въ счетъ одинъ Кирюшка, точно онъ былъ большой и выдѣлился изъ семьи. Дѣдушка Елизаръ только морщился, когда думалъ послѣ всего о младшей дочери Анисьѣ. Замужъ пора дѣвушкѣ, значитъ, опять деньги, только здѣсь ужъ деньги, прямо выброшенныя за окно, да еще работница изъ дома вонъ. Много было стариковскихъ думъ, а заработанныя въ лѣто деньги разлетятся, какъ птицы, только ихъ пошевели.

Въ концѣ лѣта потерялъ свое мѣсто Моховъ. Онъ напился пьянымъ у Бѣлохвостова, пріѣхалъ домой пьяный, ударилъ ни за что Спиридоновну и нагрубилъ Евпраксіи Никандровнѣ, когда та заступилась за кухарку.

— Я вамъ отказываю, Моховъ — спокойно заявилъ Ѳедоръ Николаичъ.

— Т.-е. какъ отказываете?—удивился Моховъ.

— А такъ... Вы начинаете безобразничать. Такъ нельзя.

Когда Моховъ проспался, онъ никакъ не могъ повѣрить, что лишился мѣста. Такъ это, просто баринъ хотѣлъ постращать. Но баринъ стоялъ на своемъ. Вѣжливо такъ говоритъ и даже жалѣетъ, а съ мѣста гонитъ. Моховъ, наконецъ, озлился и ушелъ самъ.

— Слава Богу, не пропадемъ! — повторялъ онъ.—

Крымза, айда... Спасибо здѣшнему дому,—пойдемъ къ другому.

Мохова больше всего занималъ вопросъ, кого возьмутъ штейгеромъ вмѣсто него; но этотъ вопросъ разрѣшился очень просто: за работами взялся присматривать Александръ Алексѣичъ и взялъ къ себѣ въ помощники Кирюшку. Для Мохова ничего не могло быть обиднѣе. Онъ былъ убѣжденъ, что безъ него на пріискѣ не обойтись, а тутъ берутъ какого то щенка. Пока Моховъ устроился у Бѣлохвостова, т.-е. ровно ничего не дѣлалъ.

Охваченный жадностью, дѣдушка Елизаръ работалъ до самой поздней осени, когда уже начались заморозки. Почти всѣ другіе старатели разъѣхались, а онъ продолжалъ морить семью на тяжелой осенней работѣ. Впрочемъ, Дарью отправили раньше, потому что она окончательно слегла.

Разъ, передъ заморозками, пріѣхалъ изъ Висима веселый баринъ Сергѣй Александрычъ и долго о чемъ-то говорилъ съ Епраксіей Никандровной. Кирюшки ёкнуло сердце, когда она позвала его и сказала:

— Ты поѣдешь въ Висимъ съ Сергѣемъ Александрычемъ. Твоя мать очень нездорова.

— А дѣдушка Елизаръ?

— Ну, ему все равно. Впрочемъ, я ему пошлю сказать...

Дорогой Сергѣй Александрычъ какъ-то былъ особенно ласковъ съ Кирюшкой и разспрашивалъ его о семьѣ, о матери, объ отцѣ и о жизни вообще. Кирюшка, подъѣзжая къ заводу, какимъ-то инстинктомъ понялъ бѣду и заплакалъ.

— Ты это о чемъ, Кирюшка?

— Да вѣдь умерла моя мать...

— Когда я уѣзжалъ, она была жива, только очень плоха.

Дарья, дѣйствительно, умерла, не дождавшись Кирюшки, о которомъ особенно тосковала. Это она послала Настю къ „веселому барину", чтобы какъ-нибудь вызвать сына съ пріиска. Кирюшка ужасно плакалъ и никакъ не могъ себѣ представить, что матери уже нѣтъ, и что онъ больше не увидитъ ея никогда. Мысль о смерти дорогого существа никакъ не укладывалась въ его головѣ. Ему все казалось, что это только такъ, пока, а потомъ все будетъ по-старому.

Дѣдушка Елизаръ огорчилъ Кирюшку окончательно, когда началъ ворчать, что Дарья и умерла-то не во-время, когда еще работу не успѣли кончить на пріискѣ, и что денегъ сколько нужно истратить на похороны, и что двухъ сиротъ оставила. А тутъ еще, того гляди, Парѳенъ захочетъ жениться на второй женѣ,—опять расходъ, да еще какая попадетъ мачеха на дѣтей. Однимъ словомъ, выступила наружу безжалостная правда жизни бѣдныхъ людей, у которыхъ связано каждое горе съ цѣлымъ рядомъ другихъ неудачъ и огорченій,—только дѣдушка забывалъ, что теперь онъ уже не былъ такимъ бѣднякомъ, что отлично понималъ Кирюшка и обижался за мать.

Парѳенъ жалѣлъ жену вполнѣ искренно, но молчалъ. Только разъ онъ проговорилъ, когда шелъ съ Кирюшкой съ кладбища:

— Эхъ, Кирюха, Кирюха, не такъ думали мы съ матерью-то прожить... Ничего не подѣлаешь: на все воля Божья.

Жалѣла Дарью еще маленькая Настя, но ея дѣтскаго горя никто не замѣчалъ.

XV.

Вторая зима, проведенная Кирюшкой на Авроринскомъ, навсегда осталась у него въ памяти, какъ хорошій сонъ. Онъ уже бойко читалъ и начиналъ порядочно писать. Александръ Алексѣичъ занимался съ нимъ каждый день, и Кирюшка дѣлалъ быстрые успѣхи. Сейчасъ дѣла на пріискѣ было не много, какъ и всегда зимой. Кирюшка рано утромъ обходилъ работы вмѣстѣ съ Александромъ Алексѣичемъ и записывалъ въ пріисковыя книги все, что было нужно. Онъ быстро освоился съ своей новой должностью и могъ вести дѣло вполнѣ самостоятельно, несмотря на свои тринадцать лѣтъ.

— Да онъ лучше Мохова можетъ все дѣлать,— удивлялась Евпраксія Никандровна смышлености Кирющки.— Вообще, эти заводскіе очень способный народъ. Не сравнишь съ деревенскими дѣтьми.

Особенно хорошо было по вечерамъ, когда всѣ собирались въ конторѣ около топившейся печи. Огонь нарочно не зажигали подольше и „сумерничали“, какъ говорятъ на заводахъ. Кто-нибудь что-нибудь разсказывалъ, и Кирюшка узналъ многое такое, о существованіи чего и не подозрѣвалъ. Александръ Алексѣичъ въ его глазахъ былъ еще ученѣе, чѣмъ Ѳедоръ Николаичъ, потому что у него былъ микроскопъ, самая удивительная штука, какую только Кирюшка увидалъ. Дома, въ Висимѣ, его поднимали на смѣхъ, когда онъ разсказывалъ, что подъ микроскопомъ

мышиная нога кажется величиной съ собачью, а песчинки—съ настоящій камень, какимъ Тимка чуть не вышибъ ему глазъ.

— Перестань хвастать, — оговаривалъ Кирюшку дѣдушка Елизаръ.—Статочное ли это дѣло?.. Такъ, баловство.

Еще больше удивлялись, когда Кирюшка разсказывалъ о платинѣ, что она главнымъ образомъ добывается только на Уралѣ, а потомъ—въ Америкѣ, на островѣ Борнео и еще кое-гдѣ попутно съ золотомъ; что платина тяжелѣе золота (удѣльный вѣсъ—17, 19), что она плавится въ полтора раза труднѣе золота (золото при 1000°, а платина—при 1500°), что изъ нея приготовляются кубы для добыванія кислотъ, лабораторные тигли и разныя штуки для физики и химіи. Старатели только качали головами, слушая Кирюшку, а когда онъ сталъ объяснять, что земля круглая,—не повѣрили. Моховъ нарочно ходилъ въ заводскую контору спросить у Сергѣя Александрыча относительно земли и все-таки не повѣрилъ.

— Извѣстно, господа сговорились между собой и морочатъ насъ, дураковъ. Но что Минычъ, и тотъ господскую руку туда же держитъ. Круглая земля, а какъ же я столько мѣста изъѣздилъ и не замѣчалъ? Да еще вертится... Грѣшно это и говоритъ-то, и больше ничего.

Относительно верченія земли Кирюшка и самъ немного сомнѣвался и особенно не настаивалъ на этомъ пунктѣ.

Дѣдушка Елизаръ усиленно хлопоталъ около домашности и былъ счастливъ. Парѳенъ и зять Флоръ возили изъ лѣсу бревна для будущей пристройки, и новая лошадь пригодилась, какъ нельзя лучше. Зиму еще семья должна была

перебиться по старому, а ранней весной должна была начаться стройка. Поправлены были сарай и баня, куплены новыя пошевни (сани съ лубкомъ), конская сбруя, разная одежда,—словомъ, семья Ковальчуковъ обзаводилась по настоящему, какъ и слѣдуетъ быть исправной крестьянской семьѣ.

Дѣдушка Елизаръ пользовался побывками Кирюшки, чтобы записать расходы, старику начала измѣнять память.

— Ты у насъ грамотей, Кирюшка, ну, значитъ, и пиши.

Кирюшка, съ своей стороны, началъ замѣчать, что дома, въ Висимѣ, онъ какъ-будто немного чужой и многаго не понимаетъ, а на Авроринскомъ — точно у себя въ семьѣ. Его такъ и тянуло на пріискъ. Не нравились ему висимскіе разговоры,—говорили больше о деньгахъ, какъ повыгоднѣе что купить, гдѣ подешевле найти и т. д. Кирюшку тянуло въ Висимъ только одно—маленькій братишка Илья. Ему было уже два года, и онъ начиналъ ходить довольно бойко. Кирюшка хорошо помнилъ наказъ умиравшей матери и ревниво слѣдилъ за братомъ. Ребенокъ оставался на полномъ попеченіи пріемыша Насти. У бабъ своего дѣла было по горло, а тутъ еще у Марьи родился свой ребенокъ. Сиротка Илья росъ какъ-то такъ, самъ по себѣ. Его счастье, что Настя была добрая и ухаживала за нимъ, какъ настоящая мать. Кирюшка это цѣнилъ и потихоньку привозилъ съ пріиска разныхъ гостинцевъ, какія самому случалось получать. Настя всегда краснѣла отъ радости и конфузилась.

— Ты только смотри за Илюшкой въ оба,—наказывалъ Кирюшка тономъ большого человѣка.—Покойная мать вотъ какъ просила, чтобы не оставлять. Извѣстно сирота...

Настя обижалась на такіе совѣты.

— Да вѣдь онъ махонькой, какъ его оставить?—удивлялась она.

Кирюшка любилъ поговорить съ Настей о матери. Другіе какъ-то не вспоминали Дарью, точно ея и на свѣтѣ не бывало. Отецъ угрюмо молчалъ, и Кирюшка не смѣлъ заговаривать съ нимъ самъ. Зато съ Настей онъ отводилъ всю душу. Дѣти, наученныя сиротствомъ, говорили теперь, какъ большіе.

— Думаешь, женится скоро отецъ?—спрашивалъ Кирюшка: мысль о мачихѣ безпокоило его больше и больше съ каждымъ днемъ.

— А то какъ же? Безпремѣнно женится... Раньше-то Дарья весь домъ поворачивала, вее она и вездѣ поспѣвала, а теперь-то и некому ее заступить. Тетка Марья вонъ съ ногъ въ одну осень сбилась, а тутъ еще свой ребенокъ; бабушка Прасковья стара стала,—походитъ, и спина у ей сейчасъ отымается; Анисья, того гляди, замужъ выйдетъ. Кто же домъ поведетъ безъ бабы?

Кирюшка самъ понималъ, что безъ бабы нельзя, и еще больше жалѣлъ мать.

— Когда тебя привели къ намъ,—разсказывалъ онъ,—мать-то вотъ какъ испугалась... Бѣднота была, каждая корочка на счету, не то, что теперь. Ну, а потомъ мать-то тебя и пожалѣла. Куда дѣться-то круглой сиротѣ? Мать-то добрая была, добрѣе всѣхъ...

Настя слушала этотъ разсказъ, повторявшійся съ разными варіяціями, со слезами на глазахъ. Она каждый день молилась за упокой души Дарьи и называла ее про

себя матерью. Въ ея глазахъ Кирюшка былъ роднымъ, и это родство дѣлалось все ближе, благодаря маленькому Илюшкѣ. Когда пріѣзжалъ Кирюшка съ пріиска, Настя передавала ему о всѣхъ успѣхахъ, которые дѣлалъ маленькій Илья.

— Онъ уже все понимаетъ, — трогательно увѣряла Настя.—И знаетъ, когда ты пріѣдешь съ пріиска.

— Какъ же онъ можетъ знать? — сомнѣвался Кирюшка.

— А вотъ знаетъ. Какъ начнетъ поглядывать въ окошко, какъ полѣзетъ къ дверямъ, — я и знаю, что ты ѣдешь. Онъ умный, Илюшка-то...

Объ этихъ заботахъ Кирюшки узнала Евпраксія Никандровна и ужасно была рада. Вѣдь доброе сердце — самое главное въ каждомъ человѣкѣ. Прямо она ничего не говорила Кирюшкѣ, а разспрашивала его о семьѣ къ слову, какъ будто невзначай. Кирюшка съ дѣтской откровенностью разсказывалъ все и строилъ разные планы.

— Отецъ женится, ну, пойдутъ у него другія дѣти,— разсуждалъ онъ тономъ большого человѣка, который особенно нравился „солдаткѣ". — Ужъ тогда Илюшка будетъ совсѣмъ лишній. У мачехи-то всего натерпится. Тоже вотъ и Настѣ плохо придется.

— Чего же ты думаешь дѣлать?

— А вотъ еще подросту малость, тогда...

— Что тогда?

— Ну, значитъ, возьму Илюшку къ себѣ. И Настю тоже...

Незадолго до Рождества на Авроринскій пріѣхалъ дѣ-

душка Елизаръ. Евпраксія Никандровна встрѣтила его довольно холодно.

— Тебѣ что-нибудь нужно, старикъ?

— Воопче, такъ, сударыня... Значитъ, на счетъ Кирюшкина жалованья.

— Ну, нѣтъ, это ты оставь. Кирюшкино жалованье такъ и пойдетъ Кирюшкѣ... Я удивляюсь, что это ты говоришь. Слава Богу, сейчасъ у тебя свои деньги есть.

— Какія деньги, сударыня, помилуйте. Вотъ сына послѣ святокъ буду женить, — вотъ и деньги понадобились.

— Котораго сына?

— А Парфена...

— Жени на свои, а Кирюшкиныхъ денегъ я не дамъ. Я думала гораздо лучше о тебѣ...

Дѣйствительно, въ рождественскій мясоѣдъ Парфенъ женился. Сноху дѣдушка Елизаръ выбралъ въ бѣдномъ домѣ и некрасивую, но работящую.

— Съ лица-то не воду пить,—объяснилъ старикъ.

XVI.

Семья Ковальчуковъ начала быстро богатѣть. Всѣ нужды большого крестьянскаго дома были покрыты, и оставались еще свободныя деньги. За второе лѣто подъ Момынихой Ковальчуки взяли больше тысячи. Мужики пріодѣлись, бабы щеголяли въ новыхъ кумачныхъ платкахъ; но дѣдушка Елизаръ не позволялъ баловаться и крѣпко держалъ деньги при себѣ. Бабушка Парасковья тоже сдѣлалась точно

скупѣе и постоянно попрекала Настю каждымъ кускомъ хлѣба.

— Охъ, ужъ эта мнѣ дармоѣдка, — ворчала старуха при каждомъ удобномъ случаѣ.—Вѣдь маленькая а съѣстъ за большую.

Настя не разъ потихоньку плакала, вспоминая добрую Дарью. При ней не то было. Новая сноха оказалась лѣнивой и глуповатой, и ей тоже доставалось. Хозяйство пришлось вести Марьѣ, женѣ Фрола, и она постоянно говорила:

— Развѣ такъ при Дарьѣ было? Не смотрѣли бы глазыньки... Все у насъ черезъ пень-колоду выходитъ. Тоже взяли сноху въ домъ, а она и ступить не умѣетъ.

Нахлынувшее богатство принесло дѣдушкѣ Елизару много новыхъ заботъ, главной изъ которыхъ являлось то, что не хватало рабочихъ рукъ. Старуха-жена оставалась дома, дочь Марья, занятая ребенкомъ, работала въ половину, младшая дочь, Анисья, того гляди, выйдетъ замужъ, молодая сноха оказалась лѣнивой, маленькая Настя помогала бабушкѣ, — вообще, отъ бабъ немного было пользы. Мужики еще работали, хотя зять Флоръ началъ „запибать“,—нѣтъ-нѣтъ и напьется. Вся надежда оставалась на младшаго Ефима, котораго старикъ собирался женить, — значитъ, въ домѣ будетъ новая работница. И все-таки мало своей силы. Брать чужого человѣка дѣдушка Елизаръ долго не рѣшался. Какъ-то оно не подходило.

Дѣло устроилось само собой. Бывшій штейгеръ Моховъ шлялся по промысламъ безъ всякаго дѣла и присталъ къ семьѣ Ковальчуковъ. Лошадь онъ давно пропилъ и работалъ за поденщину, какъ простой рабочій.

— Что-же, поработай съ нами, — согласился дѣдушка Елизаръ. — Только не поглянется тебѣ послѣ легкаго-то житья въ конторѣ.

— Ну, ее, контору,—ворчалъ Моховъ.—Ты и Кирюшку оттуда возьми, дѣдушка. Избалуется онъ тамъ...

Моховъ хоть этимъ путемъ хотѣлъ отомстить „солдаткѣ", которую считалъ главной виновницей своего паденія. Дѣдушка Елизаръ и самъ много разъ подумывалъ о томъ же, но все какъ-то не рѣшался. Положимъ, Ѳедоръ Николаичъ его обидѣлъ тогда относительно дѣлянокъ, а „солдатка" не выдала Кирюшкинаго жалованья, а все-таки черезъ нихъ онъ и жить пошелъ. Легкая рука у „солдатки", — тогда на ея деньги онъ обыскалъ съ Емелькой платину подъ Момынихой.

Когда Моховъ не пилъ, онъ работалъ, какъ волъ, и при томъ былъ простоватъ. Дѣдушки Елизара онъ побаивался, хотя и ворчалъ про себя. Съ нимъ вмѣстѣ пришла и собака Крымза, съ которой онъ ни за что не хотѣлъ разстаться. Изъ-за этой собаки Моховъ готовъ былъ драться, и самъ дѣдушка Елизаръ, не выносившій собакъ, ничего не могъ подѣлать.

— Можетъ, Крымза поумнѣе другого человѣка,— увѣрялъ Моховъ совершенно серьезно.—Она все понимаетъ, ежели ей сказать хорошенько.

Приглядѣвшись за лѣто къ Мохову, дѣдушка Елизаръ началъ что-то соображать про себя. Старикъ, вообще, не любилъ дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими мыслями и раздумывалъ одинъ. Кто же можетъ что-нибудь понимать въ его дѣлахъ?

Заходилъ иногда подъ Момыниху охотникъ Емелька. Онъ ходилъ все такимъ же рванымъ и былъ радъ, если Марья раздобрится и покормитъ чѣмъ-нибудь. Денегъ у старика Емелька больше не просилъ, но дѣдушка Елизаръ почему-то его не взлюбилъ. Что онъ зря шатается по промысламъ? А то усядется съ утра куда-нибудь на кучу перемывокъ и торчитъ цѣлый день, какъ сычъ.

— Шелъ бы ты, Емельянъ, своей дорогой,—оговаривалъ его дѣдушка Елизаръ, начиная сердиться.—Што зря-то торчать тутъ? Не видалъ, што ли, какъ добрые люди работаютъ?

— А тебѣ мѣста жаль,—огрызался Емелька.—Не бойся, ничего съ собой не возьму. Обжаднѣлъ ты совсѣмъ, Елизаръ, вотъ я и гляжу на тебя.

— Тебѣ-то какая забота?

— А такая... Вмѣстѣ обыскивали платину. Забылъ, видно? Недаромъ говорится, что съ богатымъ мужикомъ, какъ съ чортомъ,—не сговоришь.

— Ну, ну, будетъ тебѣ.

— Обрадовался платинѣ,—не унимался Емелька,—только взять ее не умѣешь.

— У тебя не буду учиться. Уходи, говорятъ.

— И уйду.

Емелька какъ-то странно смѣялся и уходилъ. Дѣдушка Елизаръ каждый разъ чувствовалъ себя не по себѣ при этомъ Емелькѣ, и ему дѣлалось немного совѣстно. Дѣйствительно, вмѣстѣ обыскивали платину. Ну, такъ что же изъ того? Емелька тутъ при чемъ?

Подъ Момынихой платина шла хорошо, и всѣ старатели

зарабатывали порядочныя деньги. Дѣдушка Елизаръ съ завистью смотрѣлъ на нихъ, когда они въ субботу приходили въ контору, точно они сдавали его собственную платину. А все Ѳедоръ Николаичъ виноватъ,—заартачился, точно на пень наѣхалъ. Дѣдушка Елизаръ не могъ этого забыть и нѣсколько разъ говорилъ самому Ѳедору Николаичу:

— Обидѣлъ ты меня тогда, Ѳедоръ Николаичъ!

— Перестань грѣшить, старикъ, — отвѣчалъ Ѳедоръ Николаичъ. — Чего тебѣ еще нужно? Слава Богу, зарабатываешь хорошо...

— Вотъ сына младшаго надо женить... Того гляди, дочь придется выдавать замужъ. Все деньги.

— Ничего, хватитъ. Очень ужъ ты жадный сталъ... Надо и другимъ заработать.

Евпраксія Никандровна не разговаривала больше съ дѣдушкой Елизаромъ, потому что не любила жадныхъ людей. Она боялась только одного, что старикъ разсердится и возьметъ Кирюшку. А мальчикъ продолжалъ учиться и за зиму успѣлъ много сдѣлать. Вообще, такой способный и толковый мальчикъ.

Осенью, когда кончились работы, дѣдушка Елизаръ высваталъ невѣсту Ефиму. На этотъ разъ онъ породнился съ богатымъ домомъ. Дочь Марья и жена Парѳена впередъ ворчали на старика:

— Вотъ ужо покажетъ тебѣ богатая-то сноха.

Бабушка Парасковья тоже была недовольна, хотя и молчала. Богатые-то привыкли жить по-богатому, а они все живутъ по-прежнему. Только и всего, что долговъ

нѣтъ, лошадь купили, избу пристроили да одежу кое-какую завели. Гдѣ же тутъ за богатыми тянуться...

А дѣдушка Елизаръ все считалъ и не могъ придумать, какъ бы обернуться со свадьбой подешевле. У денегъ-то вѣдь нѣтъ глазъ. Старику дѣлалось даже страшно, когда, прикинувъ въ умѣ, онъ насчитывалъ свадебныхъ расходовъ рублей двѣсти. Такую сумму не вдругъ и выговоришь. Даже по ночамъ ему грезились эти свадебные расходы. А ничего не подѣлаешь. Нельзя отъ другихъ отставать. Прежде въ Висимѣ жили куда проще, а нынче богатѣютъ отъ платины и всякія выдумки выдумываютъ.

Наконецъ, старикъ придумалъ, какъ вывернуться, и объявилъ первой бабушкѣ Парасковьѣ:

— Ну, старуха, выдаю Анисью замужъ. Будетъ ей въ дѣвкахъ сидѣть...

Бабушка Парасковья такъ испугалась, что долго не могла выговорить ни одного слова. Ей почему-то сдѣлалось жаль дочери. Она не смѣла даже спросить, какого жениха нашелъ старикъ дочери. А дѣдушка Елизаръ улыбался и объяснилъ:

— Зятя въ домъ возьмемъ,—вотъ и работникъ будетъ. Да и Анисья съ нами останется... Такъ я говорю? Хе-хе? А главное, Анисьину свадьбу сыграемъ вмѣстѣ съ Ефимовой. Ужъ за одно тратиться... Два работника новыхъ и прибудутъ: и зять, и сноха. Вотъ какое дѣло я удумалъ...

— Да кто женихъ-то?

— А ты вотъ придумай его, жениха моего... Далеко не ищи.

Вся семья ахнула, когда оказалось, что этотъ женихъ—

Моховъ. Бабы накинулись на старика, какъ осы. Больше всѣхъ бунтовала дочь Марья.

— Ни кола, ни двора у твоего жениха. Ужо напьется пьяный, тебя же прибьетъ. Хорошаго жениха высмотрѣлъ... Не нашелъ хуже во всемъ Висимѣ. Тоже удумалъ...

— Бабы, не шуршать! — кричалъ дѣдушка Елизаръ.— Што хочу, то и дѣлаю, Не вашего ума дѣло...

Анисья, какъ полагается невѣстѣ, пряталась ото всѣхъ и голосила на чемъ свѣтъ стоитъ. А тутъ еще другія бабы разстраиваютъ:

— Это старикъ отъ хитрости придумалъ. Видимо, польстился на даровую работу новаго зятя и выбралъ голь перекатную. Да и свадьбы обѣ дешевле за-разъ сыграть. Не ему жить-то съ такимъ женихомъ...

Вообще въ семьѣ Ковальчуковъ шли сильные раздоры, и только молчали, по обыкновенію, мужики. Зато женихъ, Моховъ, былъ совершенно счастливъ. Онъ всѣмъ разсказывалъ, что старикъ даетъ въ приданое за дочерью триста рублей.

— Вотъ какъ заживемъ съ Анисьей, — хвастался Моховъ.—Старикъ-то думалъ, што я буду подъ Момынихой платину мыть. Какъ бы не такъ... Будетъ, поработали въ свою долю.

— Чего же ты будешь дѣлать, Моховъ?—спрашивали любопытные.

— Я-то? А я думаю свою штучку... Старикъ-то вотъ какъ послѣ благодарить будетъ.

— Поблагодаритъ онъ тебя черемуховой палкой, которая потолще.

Между прочимъ, Моховъ отправился на Авроринскій и

и заявилъ, что желаетъ видѣть самого Ѳедора Николаича. Тотъ вышелъ.

— Ну, что, Моховъ? Какъ поживаете?

— Ничего, славу Богу, Ѳедоръ Николаичъ, живемъ, нога за ногу, не задѣваемъ. Жениться хочу, Ѳедоръ Николаичъ, такъ вотъ пріѣхалъ васъ на свадьбу звать. И Евпраксію Никандровну и Александра Алексѣича... Ужъ вы не обидьте меня, не откажите. Конешно, свадьба у насъ мужицкая, а все-таки порядки мы можемъ понимать.

Ѳедоръ Николаичъ пообѣщалъ пріѣхать на свадьбу. Когда дѣдушка Елизаръ узналъ объ этомъ, то только ахнулъ. Вотъ такъ удружилъ будущій зятекъ...

— Ничего, краснаго вина купимъ для господъ,—объяснялъ Моховъ.

— Да вѣдь деньги нужны, малиновая голова! Гдѣ у тебя деньги-то?

— А для кого я старался-то? Вѣдь все для тебя же хлопочу... Ахъ, какой ты непонятный!.. Другіе-то пусть завидуютъ, какъ у васъ смотритель будетъ пировать на свадьбѣ... Самоваръ вотъ только надо купить будетъ.

— Самоваръ?!.

— А то какъ же! Безъ самовара никакъ невозможно... Мы ужъ, значитъ, должны на такую линію выходить, ежели съ господами знаться.

На этомъ пунктѣ дѣдушка Елизаръ уперся. Какой тамъ самоваръ?—ни за что. Это расходамъ конца краю не будетъ. Но Моховъ вывернулся и тутъ. Онъ устроилъ такъ, что невѣста Ефима въ числѣ приданаго должна была принести и самоваръ.

— Ничего я не знаю,—говорилъ дѣдушка Елизаръ въ отчаяніи.—Разорите вы меня, выдумшики. Какъ мы этотъ самый самоваръ пить будемъ?

— Ничего, дѣдушка,—успокаивалъ Моховъ. — Такая ужъ линія подошла. Вотъ еще какъ полюбишь чай пить.

Свадьба у Ковальчуковъ вышла совсѣмъ по-богатому, и набрались въ гости все богатые мужики. Пріѣхали и Ѳедоръ Николаичъ съ женой, и Александръ Алексѣичъ, и Сергѣй Александрычъ. Въ избѣ было тѣсно и жарко, какъ въ банѣ. Бабушка Парасковья все угощала Евпраксію Никандровну, приговаривая:

— Кусай сахару-то, матушка, кусай больше. Недаромъ деньги плачены...

Въ самый разгаръ веселья произошло то, чего никто не ожидалъ. Непившій Парѳенъ выпилъ для молодыхъ, захмелѣлъ и началъ буянить.

— Чему обрадовались-то?—кричалъ онъ на гостей. — На нашемъ горбу старикъ все ѣхалъ.., да!.. А теперь съ богачами сталъ знаться... Небось, мою свадьбу справлялъ, какъ нищаго...

Жена напрасно уговаривала расходившагося Парѳена. Онъ только больше разозлился и заговорилъ ужъ совсѣмъ несообразно:

— Знать ничего не хочу! Будетъ... Отдѣлюсь отъ отца. У меня своя дѣлянка есть.,. Проживемъ и безъ него. Пусть теперь съ богатой снохой поживетъ да съ зятемъ щеголемъ.

Дѣдушка Елизаръ сидѣлъ и молчалъ. Свадьба вышла хуже похоронъ: отдѣлится Парѳенъ, и другіе захотятъ дѣ-

литься. Останется онъ съ новымъ зятемъ. Потомъ старикъ пробовалъ было унять буянившаго Парѳена, но тотъ взялъ жену и ушелъ.

— Прощай, родитель. Не поминай лихомъ... Первую жену заморилъ на твоей работѣ, а вторую ужъ не буду морить.

XVII.

Кирюшка тоже былъ на свадьбѣ, но онъ чувствовалъ себя чужимъ на этомъ общемъ весельѣ. Онъ почти все время пробылъ въ задней избѣ, гдѣ собрались ребята. Илюшка ужъ ходилъ и кое-что говорилъ на своемъ дѣтскомъ языкѣ. Въ теченіе лѣта Кирюшкѣ не случалось быть дома, потому что въ конторѣ много было работы, и его удивило, какъ выросла Настя.

— Вѣдь скоро ты и совсѣмъ большая будешь,—говорилъ Кирюшка.

— Нѣтъ, еще долго,—отвѣчала Настя.—Годъ да еще годъ,—еще годъ, да еще годъ,—ухъ! долго.

Настя не умѣла сказать: черезъ пять лѣтъ. Дѣти говорили между собой, какъ большіе. Настя жалѣла, что тетку Анисью дѣдушка выдалъ замужъ за Мохова, и Кирюшка тоже. Все равно не будетъ проку. Кирюшка кстати разсказалъ, какъ Ѳедоръ Николаичъ тогда прогналъ Мохова со службы за пьянство и дерзости.

— Гдѣ жить-то будемъ теперь?—соображала Настя.—И раньше-то вотъ какъ тѣснились по зимамъ, а теперь и совсѣмъ будетъ негдѣ повернуться.

Эта „тѣснота“ разрѣшилась сама собой. На другой

день послѣ свадьбы Парѳенъ хоть и проспался, но не забылъ вчерашняго. Къ нему неожиданно присоединился зять Фролъ, главнымъ образомъ, его жена, Марья.

— Сбѣсился совсѣмъ нашъ старикъ,—жаловалась она.— Пусть теперь своихъ „молодыхъ“ моритъ на работѣ, а намъ будетъ. Сколько угодно работай, а все равно толку никакого не будетъ.

Марья любила брата Парѳена и теперь хотѣла слѣдовать его примѣру. Нечего больше ждать, и надо самимъ устраиваться.

— Ничего, какъ нибудь устроимся,—успокаивалъ ее Парѳенъ.—Проживемъ не хуже другихъ.

Зять Фролъ былъ смирный человѣкъ и одинъ никогда не рѣшился бы на такой важный шагъ. Онъ привыкъ слушаться во всемъ жены, и теперь соглашался съ ней.

— Дѣлянки-то наши,—соображалъ Парѳенъ.—Пусть отецъ останется со своей дѣлянкой, а мы возьмемъ свои. Зиму-то какъ-нибудь перебьемся...

Кирюшка былъ свидѣтелемъ этихъ переговоровъ, и ему было жаль, что семья дѣлится. Какъ раньше-то дружно жили, а тутъ всѣ въ разныя стороны разбредутся. Ему дѣлалось страшно главнымъ образомъ за Илюшку, который теперь ужъ совсѣмъ останется на рукахъ у мачехи. Бабушка Парасковья все-таки была родная и не дала бы внучка въ обиду. Потомъ, что будетъ съ Настей? А вдругъ, ежели дѣдушка Елизаръ оставитъ ее у себя? Мачеху Кирюшка не любилъ, лѣнивая она и вся какая-то нескладная.

Пока гости пировали на другой день послѣ свадьбы, Парѳенъ отправился къ охотнику Емелькѣ. Онъ жилъ одинъ

въ своей избѣ бобылемъ. Хозяйства у него не велось, кромѣ одной собаки, и изба начинала рушиться. Парѳенъ оглядѣлъ все хозяйскимъ глазомъ и рѣшилъ, что зиму можно будетъ перебиться какъ-нибудь у него. Поправить немного крышу, да службы, да ворота,—только и всего.—Изба холодными сѣнями дѣлилась на двѣ половины,—въ передней помѣстится Парѳенъ съ семьей, а въ задней—Фролъ.

— Ничего, мѣста всѣмъ хватитъ,—говорилъ самъ Емелька.—Я самъ поправлять собирался. да все какъ-то руки не доходили.

— Ну, вотъ тебѣ все и поправимъ,—говорилъ Парѳенъ.

— Ты зиму-то на задней половинѣ у Фрола поживешь. У него всего одинъ ребенокъ.

— Обо мнѣ-то что говорить,.. Вотъ снѣгъ выпадетъ,—только меня и видѣли. Домой-то только къ праздникамъ выхожу.

Дѣдушка Елизаръ никакъ не думалъ, что все дѣло повернется такъ круто. Онъ былъ увѣренъ, что Парѳенъ наболталъ съ пьяныхъ глазъ, а потомъ образумится. У старика опустились руки, когда къ Парѳену присоединилась Марья. Она была упрямая, вся въ отца, и съ ней не сговоришься. Изъ дому сразу уходили четыре даровыхъ рабочихъ силы,

— Какъ же это такъ?—удивлялся старикъ. — Вѣдь для нихъ же я старался, а они—дѣлиться,

Самъ онъ не хотѣлъ вести переговоровъ съ бунтовщиками, а послалъ для этого бабушку Парасковью. Но изъ этого ровно ничего не вышло. Бабушка Парасковья только

плакала, а подъ конецъ даже согласилась съ дѣтьми, что отдѣльно лучше будетъ всѣмъ.

— Вотъ только какъ со старикомъ-то будемъ,—охала бѣдная старуха.— Крутъ онъ сердцемъ-то. Пожалуй, ничего въ отдѣлъ не дастъ вамъ.

— И пусть не даетъ,—говорилъ Парѳенъ.—Дѣлянки-то вѣдь у насъ остаются. Все наживемъ помаленьку...

— Не попустится старикъ дѣлянками-то. Хлопотать будетъ...

— И пусть хлопочетъ. Только добрыхъ людей насмѣшитъ. Мы его ничего не беремъ и своего не отдадимъ.

Старикъ, дѣйствительно, принялся хлопотать и первымъ дѣломъ отправился на Авроринскій къ Ѳедору Николаичу. Началъ онъ издалека, съ жалобы на непокорныхъ дѣтей, но Ѳедоръ Николаичъ съ нимъ не согласился.

— Ты бы самъ ихъ долженъ былъ выдѣлить, старикъ, трудно въ большой семьѣ жить. Тебѣ же будетъ лучше...

— Лучше-то, лучше...—мялся старикъ.—Конешно, не маленькіе. Пусть своимъ умомъ поживутъ. Это, конешно, тово... А вотъ дѣлянки я имъ не отдамъ, Ѳедоръ Николаичъ.

— Опять не выйдетъ, старикъ...

— Какъ не выйдетъ?

— Дѣлянки записаны на Парѳена и на Фрола. У тебя твоя останется...

— Вѣдь я обыскалъ платину-то?

— Нельзя же всѣ дѣлянки отдать тебѣ одному. Надо и другимъ на свою долю заработать. Ты теперь поправился, есть и деньжонки про черный день,—чего же тебѣ еще нужно?

Дѣдушка Елизаръ этимъ не удовлетворился и отправился хлопотать въ Тагилъ къ арендатору пріисковъ. Съ нимъ поѣхалъ и Моховъ, клявшійся всѣмъ, что „выворотитъ“ дѣлянки. Но изъ этой поѣздки ничего не вышло, и дѣдушка Елизаръ вернулся домой темнѣе тучи.

— Ничего я имъ не дамъ въ отдѣлъ,—грозился старикъ.—Не хотятъ уважать отца, ну, и пусть казнятся.

Черезъ недѣлю послѣ свадьбы Парѳенъ и Фролъ переѣхали въ избу Емельки, и начавшая богатѣть семья Ковальчуковъ распалась. Впрочемъ, подъ конецъ дѣдушка Елизаръ какъ-будто смирился.

— Что же, значитъ, такая ужъ Божья воля,—рѣшилъ онъ.—Я имъ зла не желаю. Не умѣли жить съ отцомъ, такъ пусть поживутъ своимъ умомъ. Захотѣли умнѣе отца быть...

Все-таки въ отдѣлъ сыну и дочери старикъ ничего не далъ.

— Когда помру, то пусть дѣлятся, какъ знаютъ,— рѣшилъ онъ.

Настя ушла съ семьей Парѳена. Когда дѣдушка Елизаръ спросилъ ее, куда она хочетъ, дѣвочка сквозь слезы отвѣтила:

— Я, дѣдушка,—къ Илюшкѣ...

— Ну, вотъ умница,—похвалилъ старикъ. — Что хорошо, то хорошо. Тебѣ Богъ на сиротство счастье пошлетъ...

Кирюшка былъ чрезвычайно радъ, что Настя переѣхала отъ дѣдушки къ отцу. Участь маленькаго Илюшки этимъ обезпечивалась. Ему было жаль дѣдушки Елизара, котораго онъ любилъ.

— Ничего, все обойдется,—успокаивала его „солдатка“.—Мало ли въ семьяхъ ссорятся, а потомъ и помирятся.

Евпраксія Никандровна знала всѣ семейныя дѣла Кирюшки и принимала ихъ къ сердцу. Она тоже радовалась, что Настя по-прежнему осталась при маленькомъ Илюшкѣ. Трудно расти такому маленькому безъ матери. Глядя на Кирюшку, „солдатка“ иногда говорила:

— Что-то изъ тебя будетъ, Кирюшка? Вырастешь ты большой, будешь зарабатывать деньги, научишься пить водку...

— Нѣтъ, я не буду водку пить,—отвѣчалъ Кирюшка.

Въ мальчикѣ ужъ рано сказывался твердый отцовскій характеръ, онъ не походилъ на другихъ пріисковыхъ ребятъ, какъ Тимка Бѣлохвостъ. У него и мысли были совсѣмъ не-дѣтскія. Послѣ свадьбы, напримѣръ, онъ съ огорченіемъ разсказывалъ Евпраксіи Никандровнѣ, какъ страшно пили висимскіе мужики, какъ горланили пѣсни, и вообще, безобразничали. Онъ уже отвыкъ отъ своихъ и невольно сравнивалъ съ тѣмъ, что дѣлалось въ конторѣ. Пили иногда и здѣсь, но не до-пьяна, а какъ пьютъ настоящіе господа—за обѣдомъ или за закуской. Начнутъ громче говорить, примутся спорить, сдѣлаются веселѣе,—и только. Ѳедоръ Николаичъ пилъ всего одну рюмку передъ обѣдомъ. Кирюшка давно это замѣтилъ, и его непріятно поразилъ мужицкій свадебный разгулъ.

Теперь пріисковыя книги Кирюшка велъ почти одинъ. Александръ Алексѣичъ только иногда его провѣрялъ, рѣдко находилъ какую-нибудь ариѳметическую ошибку, что

страшно конфузило Кирюшку каждый разъ. По этимъ книгамъ Кирюшка видѣлъ, сколько кто зарабатывалъ на промыслахъ. Больше всего зарабатывали висимцы. Было уже нѣсколько десятковъ настоящихъ богатыхъ семей, которыя „пошли жить отъ платины". Ближе Висима была деревня Захарова, но тамъ какъ-то не богатѣли. Работали на пріискахъ черновляне, т.-е. изъ Черноисточинскаго завода, утчане—изъ Висимо-Уткинскаго завода, тагильцы, но изъ нихъ никто не богатѣлъ. Висимцы были счастливѣе.

Зима досталась отдѣлившимся Парѳену и Фролу довольно тяжело; но ихъ утѣшало то, что теперь они работаютъ только на себя. Каждая копейка шла въ свой домъ. А у дѣдушки Елизара все не ладилось въ дому. Молодая сноха и слышать не хотѣла о работѣ на пріискѣ.

— Съ чего это взяли, что я буду въ грязи топтаться?—заявляла она прямо въ глаза дѣдушкѣ Елизару.— И брали бы сноху изъ бѣдной семьи.

Дѣдушка Елизаръ только кряхтѣлъ. Развѣ смѣли раньше снохи такъ разговаривать съ нимъ? Ефимъ былъ какой-то вялый и не умѣлъ держать жену въ рукахъ. Но больше всего огорчалъ старика Моховъ, съ которымъ не было никакого сладу. Домашней работы Моховъ не хотѣлъ знать, а напьется чаю, закурить цыгарку и уйдетъ куда-нибудь на базаръ. У него вездѣ были знакомые, дружки да пріятели. Правда, со старикомъ онъ никогда не ссорился, а всячески старался ему угодить.

— Погоди, старичокъ, вотъ какъ мы съ тобой заживемъ,—увѣрялъ онъ дѣдушку Елизара.—Работой-то никого не удивишь. Да... Ты хошь изъ своей кожи десять

разъ вылѣзи. Конешно, оно пріятно, когда идетъ, примѣрно, богатая платина, а все-таки не настоящее дѣло. Сегодня она идетъ, а завтра и слѣдъ простылъ.

— Что же, по-твоему, настоящее?—спрашивалъ дѣдушка Елизаръ.

Моховъ долго ломался, прежде чѣмъ сказать свой секретъ. Когда онъ сказалъ, что будетъ торговать на базарѣ разнымъ крестьянскимъ товаромъ, дѣдушка Елизаръ подумалъ, что Моховъ спятилъ съ ума.

— Очень даже просто,—увѣренно объяснилъ Моховъ.— На пятьсотъ рублей куплю товару на наличные, а на пятьсотъ мнѣ отпустятъ въ долгъ. Только и всего... Другіе торгуютъ же, и мы будемъ торговать. Посиживай себѣ въ лавкѣ. Ни этой пріисковой грязи, ни дождемъ тебя не мочитъ, да еще всѣ будутъ кланяться...

— Нѣтъ, ты сбѣсился!—увѣрялъ дѣдушка Елизаръ.— Тебя надо веревкой связать.

— Нѣтъ, серьезно, дѣдушка. Ты подсчитай-ка... Торговецъ со всего беретъ барышъ, съ жаренаго и вареного.

Въ теченіе зимы Моховъ надоѣлъ дѣдушкѣ Елизару своими наговорами. Возьметъ еще счеты и начнетъ подсчитывать будущіе барыши. Выходило такъ, что, дѣйствительно, выгоднѣе дѣла нѣтъ. Ото всякой мелочи прибыль,—гдѣ пятачокъ набѣжитъ, а гдѣ и цѣлый гривенникъ. Только, знай, получай деньги да клади въ мошну. Моховъ какими-то путями пронюхалъ, что у дѣдушки Елизара хранится около тысячи рублей и дѣлался все настойчивѣе.

— Да вѣдь насъ засмѣютъ, когда мы на базаръ вый-

демъ! — говорилъ дѣдушка Елизаръ. — Будутъ говорить: вотъ новые торговцы—старые нищіе. Тоже совѣстно...

— А ты пока не выходи на базаръ. Я одинъ буду орудовать. У меня разговоръ вотъ какой легкій... Сдѣлай милость, за словомъ въ карманъ не полѣзу. А вечеромъ приду домой, — на, считай барыши, такъ я говорю? Зимой-то все равно нечего дѣлать.

Всѣ только ахнули, когда дѣдушка Елизаръ вдругъ разступился и отвалилъ Мохову цѣлыхъ триста рублей. То дрожалъ надъ каждой копейкой, а тутъ отвалилъ цѣлый капиталъ. Дочь Марья не вытерпѣла и побѣжала къ отцу.

— Ты это что же, батюшка, дѣлаешь-то? Мы, вѣдь, зарабатывали деньги своимъ горбомъ, а ты ихъ травишь Мохову...

— А вотъ и буду травить, — упорно отвѣчалъ старикъ. — Никто мнѣ не указъ. Что хочу, то и дѣлаю.

Это было цѣлое событіе, когда Моховъ выстроилъ себѣ на базарѣ маленькую лавчонку и привезъ изъ Тагила первый возъ разнаго крестьянскаго товара. Тутъ были и конская сбруя, и чекмени, и крупа, и шапки, и деготь, и сахаръ, и табакъ, — получай все, чего только душа хочетъ.

— Эй, поштенные! — говорилъ Моховъ, раскланиваясь съ обступившимъ новую лавку народомъ. — Берите товаръ поскорѣе: сегодня на деньги, завтра въ долгъ.

Дѣдушка Елизаръ не вышелъ на базаръ, а просидѣлъ весь день дома. Ему вдругъ сдѣлалось совѣстно, и онъ понялъ, какую глупость сдѣлалъ, довѣрившись пустымъ словамъ Мохова.

XVIII.

Наступило лѣто. У Кирюшки работы было по горло. Приходилось вставать рано, а ложиться поздно. Онъ не любилъ, когда нужно было идти подъ Момыниху, гдѣ работали свои. Особенно ему было больно смотрѣть на дѣдушку Елизара, который ходилъ точно въ воду опущенный. Дѣло въ томъ, что Моховъ проторговался въ какихъ-нибудь три мѣсяца—половину товара роздалъ въ долгъ, а другую размоталъ. Въ долгъ самому ему въ Тагилѣ товара не повѣрили, а денегъ дѣдушка больше не далъ. Такъ вся торговля и кончилась.

— А все старый чортъ виноватъ!—ругался Моховъ.— Ну, дай еще рублей триста, дѣло совсѣмъ хорошо пошло бы, а онъ уперся, какъ быкъ, своей пользы человѣкъ не понимаетъ, значитъ, ничего ты съ нимъ не подѣлаешь...

И на пріискъ Моховъ не выѣхалъ, а отправился въ Тагилъ подыскивать себѣ какое-то мѣсто.

— Низко мнѣ съ вами въ грязи валандаться,—объяснилъ онъ старику.—Я къ этому не привыкъ...

— А какъ же раньше-то у насъ работалъ?—корилъ его дѣдушка Елизаръ.

— Мало ли что было раньше.

Жена Мохова, Анисья, оставалась у отца и работала, какъ прежде. Всего на дѣлянку приходилось четыре человѣка: самъ старикъ, Ефимъ съ женой да Анисья. Но платина шла хорошая, и жить было можно. Рядомъ на дѣлянкахъ работали Парѳенъ и Фролъ. У нихъ тоже дѣло шло хорошо, и за работой какъ-то всѣ помирились. Дѣ-

душка Елизаръ отдѣлилъ имъ одну лошадь, разную пріисковую снасть и при случаѣ помогалъ. Старикъ, вообще, какъ-то замѣтно опустился и сдѣлался добрѣе, а дочери Марьи даже какъ-будто побаивался.

Справившись немного, Парѳенъ первый началъ нанимать поденьщиковъ, а потомъ и Фролъ тоже. Своей силы не хватало, Одинъ дѣдушка Елизаръ крѣпился и не бралъ въ свою артель никого чужого. Молодая сноха любила Ефима и помирилась съ пріисковой работой. Вообще, Ковальчуки пошли въ гору, и Архипъ Бѣлохвостъ съ завистью заговорилъ:

— Раньше одной лопатой загребали платину, а теперь гребутъ въ три лопаты. Счастье этимъ Ковальчукамъ...

Въ срединѣ лѣта произошло событіе, которое измѣнило всю жизнь Кирюшки. Какъ-то пріѣхалъ изъ Тагила Ѳедоръ Николаичъ, ѣздившій сдавать платину, и долго говорилъ о чемъ-то съ женой. Утромъ Евпраксія Никандровна за чаемъ сказала Кирюшкѣ:

— Ну, Кирюшка, дѣло наше плохо... Аренда пріисковъ кончилась, и они переходятъ опять къ Демидову. Значитъ, будутъ здѣсь служить свои демидовскіе служащіе...

— А какъ же вы, Евпраксія Никандровна?

— Какъ мы,—пока ничего неизвѣстно. Придется устраиваться какъ-нибудь по другому. Мы-то устроимся по-маленьку, а вотъ какъ ты?

— Не знаю...—отвѣтилъ Кирюшка,—Къ отцу пойду работать.

— Ты ужъ теперь большой и не пропадешь. Можетъ быть, захочешь устроиться при конторѣ? Можно будетъ похлопотать...

— Нѣтъ, я безъ васъ не останусь!

— Какъ знаешь.

У Кирюшки блестѣли слезы на глазахъ, и Епраксіи Никандровнѣ сдѣлалось его жаль. Славный мальчикъ и учился хорошо, а теперь приходится все бросать. Подумала „солдатка“ взять Кирюшку съ собой, но онъ отказался.

— А какъ Илюшка-то безъ меня останется?—объяснилъ онъ.—Мать крѣпко наказывала, чтобы я его не оставлялъ.

Сначала Настя съ Илюшкой оставались въ Висимѣ, а потомъ, когда была выстроена избушка подъ Мокынихой,—ее перевезли на пріискъ. Теперь Настѣ приходилось няньчится и съ ребенкомъ Марьи. Дѣвочка-пріемышъ ужъ не ѣла даромъ чужого хлѣба, а зарабатывала его своимъ дѣтскимъ трудомъ. Марья ее полюбила и заботилась о ней. А Марья, что захочетъ, такъ поставитъ на своемъ. Ужъ такая уродилась.

Когда Кирюшка разсказалъ отцу, что аренда промысловъ кончается, Парѳенъ сначала, по обыкновенію, помолчалъ и потомъ уже сказалъ:

— Съ нами будешь, значитъ, жить... Отвыкъ, поди, отъ нашей работы?

— Нѣтъ, ничего.

Парѳенъ очень жалѣлъ, главнымъ образомъ, „солдатку“, которая такъ ухаживала за Дарьей. Добрая эта „солдатка“, хоть и куритъ цыгарки. Потомъ ему было жаль Кирюшки. Что онъ будетъ болтаться на грязной пріисковой работѣ,—въ конторѣ-то куда ему было лучше. Въ люди бы вышелъ со временемъ. Теперь ужъ Кирюшка читалъ всякую книгу

и по цифрамъ все могъ понимать. Своихъ мыслей Парѳенъ, по обыкновенію, никому не передалъ. Что подѣлаешь, ежели такъ выходитъ все.

Конецъ лѣта пролетѣлъ незамѣтно. Изъ новостей на промыслахъ было только то, что неожиданно появился Моховъ и привезъ молодой женѣ въ подарокъ красный платокъ и ботинки.

— Гдѣ ты денегъ-то взялъ, малый?—удивился дѣдушка Елизаръ.

— А вы думали, что Моховъ безъ васъ съ голоду подохнетъ?—хвастался Моховъ, попыхивая цыгаркой.—Нѣтъ еще, подождите. Вотъ какъ еще Моховъ поживетъ. Всѣ завидовать будутъ...

Откуда добылъ Моховъ денегъ,—такъ и осталось загадкой. А деньги у него были. Онъ ходилъ по промысламъ и хвастался, показывая бумажникъ. Потомъ онъ такъ же неожиданно исчезъ, какъ появился. Даже съ женой не простился хорошенько. Дѣдушка Елизаръ только качалъ головой. Выходило дѣло нечисто. Даромъ денегъ никто не дастъ, а работать Моховъ не любилъ.

Наступила осень, и работы начали понемного сокращаться. Ниже, по теченію рѣки Мартьяна, черновляне оставили до весны. Ковальчуки опять заработали много на зависть другимъ старателямъ. Впрочемъ, хорошая платина шла также у Шурыгиныхъ и кое у кого изъ висимцевъ. Парѳенъ уже разсчитывалъ ставить себѣ гдѣ-нибудь новую избу,—это первое дѣло. Денегъ немного не хватало, и онъ разсчитывалъ у кого-нибудь занять. Но, къ его удивленію, денегъ ему предложилъ старикъ.

— Какой же мужикъ безъ избы,—разсуждалъ старикъ.— Справишься, отдашь.

Оказалось, что дѣдушка Елизаръ далъ денегъ и Марьѣ. Вообще, семейная распря улегалась, и дѣло пошло на миръ. Всѣ вздохнули свободнѣе. Что же, и другія семьи дѣлятся, какъ Шкарабуры. Дѣдушку Елизара, главнымъ образомъ, уговорилъ висимскій священникъ, къ которому онъ ходилъ посовѣтоваться.

Когда работы закончились, и контора закрылась, Ѳедоръ Николаичъ съ женой уѣхали въ Тагилъ; Александръ Алексѣичъ—вмѣстѣ съ ними. Кирюшка провожалъ ихъ со слезами, „солдатка“ подарила Кирюшкѣ на прощаньи нѣсколько копеекъ.

— Пріѣзжай къ намъ въ гости,—приглашала она.

* * *

Много прошло лѣтъ. Изъ Кирюшки уже выросъ большой человѣкъ, котораго всѣ называли Кириллой Парѳенычемъ. Онъ женился на Настѣ и жилъ въ своемъ собственномъ домѣ. Дѣла у Ковальчуковъ шли почти все время хорошо, какъ и у всѣхъ висимцевъ. Когда открыли пріискъ Варламиху, оказалась такая платина, какой еще не видали до сихъ поръ. Кромѣ того, цѣна на платину поднялась вдвое и втрое противъ прежней. Дѣдушка Елизаръ все еще былъ живъ, но по старости лѣтъ не могъ выходить изъ дому, и когда приходилъ внучекъ Кириллъ, умолялъ его:

— Сосчитай ты мнѣ, Кириллъ, сколько это выйдетъ нашихъ денегъ.

Старикъ немного тронулся и все жалѣлъ, что такъ дешево сдавалъ прежде платину, а теперь бы получилъ настоящія деньги.

Платина на Варламихѣ открыта была именно тамъ, гдѣ показывалъ охотникъ Емелька. Онъ давно умеръ, въ одинъ годъ со своимъ другомъ, дьячкомъ Матвѣичемъ. Ковальчуки окончательно разбогатѣли уже на Варламихѣ. Да и весь Висимъ тоже поправился такъ, что не узнать. Вездѣ — новыя избы, крашеныя крыши и разныя постройки.

Съ дѣдушкой Елизаромъ остался жить одинъ Ефимъ. а Моховъ давно ушелъ вмѣстѣ съ женой. Онъ открылъ въ Захаровой кабакъ и жилъ припѣваючи. Поговаривали, что онъ тихонько торгуетъ краденой платиной, чѣмъ теперь занимались въ Висимѣ очень многіе. Тайные скупщики подняли цѣну платины до рубля.

Вскорѣ послѣ свадьбы Кириллъ отправился съ молодой женой въ гости къ Александру Алексѣичу, который служилъ сельскимъ учителемъ за Кушвой. Ѳедоръ Николаичъ служилъ въ Перми, а Сергѣй Александровичъ уѣхалъ въ Сибирь. Кириллу очень хотѣлось повидать ихъ всѣхъ, но на лицо былъ одинъ Александръ Алексѣичъ.

Онъ очень обрадовался, когда Кириллъ пріѣхалъ къ нему и долго разспрашивалъ его о висимскихъ дѣлахъ и висимскихъ знакомыхъ.

— Дѣдушка-то Елизаръ правъ,—замѣтилъ Александръ Алексѣичъ,—совсѣмъ даромъ вы отдавали платину, она будетъ стоить дороже золота...

Книгоиздательство Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.

Москва, Б. Молчановка, д. 18.

ЛИТЕРАТУРНО-БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Д. И. ТИХОМИРОВА.

I. А. С. ПУШКИНЪ.

ПУШКИНЪ, А. С. Чтеніе для школъ и народа, **Д. И. и Е. Н. Тихомировыхъ:** I. Чѣмъ великъ и славенъ Пушкинъ? II. Изъ жизни А. С. Пушкина. III. Изъ сочиненій А. С. Пушкина. Изд. 16-е.

ПУШКИНЪ, А. С. Избранныя сочиненія. для дѣтей школьнаго возраста. Подъ ред. Е. Н. Тихомировой. Младшій возрастъ. Съ біографическимъ очеркомъ. Изд. 12-е.

— **Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.**

— **Сказка о золотомъ петушкѣ.**

— **Полтава.** Поэма.

— **Капитанская дочка.** Повѣсть.

ПОРТРЕТЪ А. С. ПУШКИНА.

II. В. Н. ЖУКОВСКІЙ.

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ В. А. ЖУКОВСКАГО. Чтеніе для школъ и народа **Д. И. Тихомирова.** Съ портретами 5-е изданіе.

Избранныя сочиненія.

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ. Сказки, басни и загадки. 3-е изд.

ВТОРОЙ СБОРНИКЪ. Сказанія, преданія и повѣсти. 3-е изд.

ТРЕТІЙ СБОРНИКЪ. Изъ жизни и природы. 2-е изд.

ПОРТРЕТЪ В. А. ЖУКОВСКАГО. Ц. 10 к.

III. Н. В. ГОГОЛЬ.

О ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ и ЕГО БЕЗСМЕРТНЫХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ. Д. И. ТИХОМИРОВА. Съ портретомъ Гоголя, факсимиле и собственноручнымъ рисункомъ. Изданіе 10-е.

Избранныя сочиненія.

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ. Содержаніе: I. Сорочинская ярмарка. II. Майская ночь или утопленница. III. Ночь подъ Рождество. IV. Днѣпръ. 3-е изд.

ВТОРОЙ СБОРНИКЪ Содержаніе: I. Старосвѣтскіе помѣщики. II. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. III Шинель. 3-е изд.

ТРЕТІЙ СБОРНИКЪ. Содержаніе: I. Тарасъ Бульба. II. Жизнь. 3-е изд.

— **Сорочинская ярмарка.** Съ рисунками.

— **Майская ночь или утопленница** Съ рисунками.

— **Ночь передъ Рождествомъ.** Съ рисунками.

— **Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.** Съ рисунками.

— **Шинель.** Съ рисунками.

— **Старосвѣтскіе помѣщики.** Съ рисунками.

ПОРТРЕТЪ Н. В. ГОГОЛЯ. Ц. 10 к.

IV. И. А. КРЫЛОВЪ.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ. Съ предисловіемъ **Д. И. Тихомирова.** Съ портретомъ. 5-е изд.

ПОРТРЕТЪ И. А. КРЫЛОВА. Ц. 10 к.

V. Н. А. НЕКРАСОВЪ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ. Чтеніе для школъ и народа. **Д. И Тихомирова.** 5-е изд.

ПОРТРЕТЪ Н. А. НЕКРАСОВА Ц 10 к.

VI. М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ. Біографическій очеркъ. Подъ редакціей **Е. Н. Тихомировой.** Съ рис. избранныя сочиненія: Сборникъ 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й.

ПОРТРЕТЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. Ц 10 к.

VII. А. В. КОЛЬЦОВЪ, И. С. НИКИТИНЪ, Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

САМОРОДКИ—ПѢВЦЫ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. Сборникъ избранныхъ стихотвореній съ біографіями для семьи и школы, подъ редакціей **Д. И. Тихомирова.** 3 е изд.

ПОРТРЕТЫ А. В. КОЛЬЦОВА, И. С НИКИТИНА и Т. Г. ШЕВЧЕНКО. Цѣна по 10 к. за портретъ.

VIII. Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ, подъ редакціей **Д. И. Тихомирова.** Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.—Ильясъ.—Чѣмъ люди живы.—Большая Медвѣдица.—За что? Изд. 2-е.

ВТОРОЙ СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ. Упустишь огонь, не потушишь.—Два старика.—Много ли человѣку земли нужно.—Зерно съ куриное яйцо.—Крестникъ.—Камни.—Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ.—Суратская кофейная. Изд. 2-е

— **Кавказскій плѣнникъ.** Разсказъ.

— **Басни и пословицы** Сборн. 1, 2, 3 и 4.

ПОРТРЕТЪ Л. Н. ТОЛСТОГО. Ц. 10 к.

80

200 =

H